

Б.Ф. Железчиков
И.В.Сергауков А.С.Скрипкин

**ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

**ПО
ПИСЬМЕННЫМ
И
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ**

Волгоград 1995

Н.О. Железников

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Б.Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВ
И.В. СЕРГАЦКОВ А.С. СКРИПКИН**

**ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ПО ПИСЬМЕННЫМ И
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ**

Учебное пособие

ББК 63.3(2Р 354)

Д 73

**Ответственный редактор кандидат исторических наук, доцент
Б.Ф. Железчиков**

Д 73 Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам: Учебное пособие. — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1995. — 124 с.: ил.

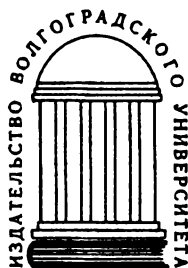
ISBN 5-85534-027-9

Книга посвящена истории древних народов, живших в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на территории Нижнего Поволжья, Подонья, частично Северного Кавказа и Южного Приуралья. В ней приведены данные античных авторов о природе, географии регионов, образе жизни и верованиях древних народов. В аналитических статьях научно интерпретируются как письменные, так и археологические источники. Книга рассчитана на учителей истории, географии, студентов и широкую читательскую публику.

Д 0504000000—003
Д Я 49(03)—95 **Без объявл.**

ББК 63.3(2Р 354)

ISBN 5-85534-027-9

**© Издательство Волгоградского
государственного университета,
1995**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава первая ИЗВЕСТИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ.....	6
Глава вторая КИММЕРИЙЦЫ И САВРОМАТЫ.....	52
Глава третья САРМАТЫ.....	70
Глава четвертая ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИИ.....	93
СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	111
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	112

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой читателю книге события древней истории Нижнего Поволжья начинают освещаться с того момента, когда впервые о народах, некогда живших здесь и по соседству, появляются письменные свидетельства. По археологической периодизации это эпоха раннего железного века: В Нижнем Поволжье ранний железный век длился более тысячелетия. Его начало относится к VIII — VII вв. до н. э., когда в обиход начинает входить железо, а конец — к IV в. н. э. В этот период времени на обширных степных пространствах восточноевропейских степей обитали в основном ираноязычные кочевые народы: киммерийцы, скифы, савроматы и сарматы (рис.1). Во второй половине IV в. н. э. здесь появляются гунны, окончательно устранившие с политической арены ранее жившие здесь народы и положившие начало передвижению через Нижнее Поволжье с востока на запад многих тюркоязычных народов. С этих событий для истории степных районов юга России начинается средневековая эпоха.

Вплоть до раннего железного века древняя история Нижнего Поволжья восстанавливается в основном по археологическим источникам, поэтому до нашего времени не дошли названия народов, которые жили здесь в более ранние эпохи, остаются неизвестными многие подробности их истории. Письменные источники значительно увеличивают возможности историка в реконструкции истории древних обществ. В них появляются имена собственные, названия народов и местностей, сведения об экономических отношениях и политической истории.

Местные народы в раннем железном веке не имели своей письменности. О них мы узнаем из сочинений древнегреческих, затем древнеримских писателей, историков и географов. В VI — V вв. до н. э. греки интенсивно колонизируют Северное Причерноморье. В III в. до н. э. в устье Дона появляется самый северо-восточный форпост античной цивилизации — город Танаис. Греческие колонисты имели возможность непосредственно наблюдать жизнь местного населения, они же являлись и основными информаторами ученых, собиравших сведения о варварских народах (рис.2). С I в. до н. э. территории, прилежащие к Черному морю, входят в сферу активной политики Рима. В военные конфликты все чаще начинают втягиваться кочевники восточноевропейских степей, новые сведения о которых попадают на страницы исторических сочинений.

Особенностью той эпохи являлось сосуществование древних цивилизаций и варварского мира. Зона контактов между ними проходила от Рима до Китая. Эти два мира во многом были различны и в то же время не могли существовать друг без друга (рис.3). Мы навряд ли могли бы сегодня восхищаться высокой культурой древних цивилизаций, не

будь у них варварского окружения. Варварская периферия поставляла людские ресурсы для развивающегося рабовладельческого хозяйства Греции и Рима, освобождая свободных граждан от повседневных занятий физическим трудом, позволяя заниматься им литературой, законодательством, политикой, проявить свои способности в разных отраслях искусства. Варварские народы не только заимствовали достижения своих цивилизованных соседей, но и сами оказывали на них влияние. Оно сказывалось в военном деле, в появлении ряда сюжетов и образов в искусстве.

Население Нижнего Поволжья в раннем железном веке являлось лишь малой частью той системы взаимодействия двух миров, которая функционировала в течение многих веков.

Содержание книги, как по подбору письменных источников, так и в своей повествовательной части, несколько шире названия. Дело в том, что Нижнее Поволжье обычно входило в состав более обширных территорий, которые в древности занимали те или иные народы. Так, сарматы в период своего наивысшего могущества расселялись от Южного Урала до Дуная, оказывая существенное влияние на исторические процессы в Средней Азии, Закавказье и Северном Причерноморье. Для того, чтобы более полно показать динамику событий, в которых так или иначе приняли участие и народы, связанные своей судьбой с Нижним Поволжьем, авторам книги приходилось часто выходить за его географические пределы.

Книга состоит из четырех глав. В первой публикуются переводы письменных сочинений греческих и римских авторов. В последующих главах излагаются происхождение, политическая история и особенности развития хозяйства народов, обитавших в волго-донских степях. Подборка письменных источников осуществлена Б.Ф.Железчиковым и Е.Б.Ордынцевой, глава вторая написана И.В.Сергацковым, введение и третья глава — А.С.Скрипкиным, четвертая — Б.Ф.Железчиковым, а иллюстративный материал подготовлен В.И.Мордвинцевой. Сведения, приводимые в книге, могут быть использованы учителями на уроках истории, будут полезны краеведам, студентам, школьникам — всем, кто интересуется историей нашего края.

Глава первая

ИЗВЕСТИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

ГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС

Возникновение гомеровских поэм относится к очень раннему времени, возможно, к концу II тыс. до н. э. Эпические сказания складывались на протяжении многих веков, хранились в устной традиции и передавались из поколения в поколение.

Объединение их в одно целое и запись произошли в VII или середине VI в. до н. э. Окончательная редакция обеих поэм — «Илиады» и «Одиссеи» — приписывается древнегреческому поэту Гомеру. Упоминания о народах Северного Причерноморья у Гомера незначительны, что объяснялось как неопределенностью гомеровской географии и этнографии, так и художественными, а не научными задачами, которыми руководствовался поэт.

ИЛИАДА

XIII, 1-7.

Битва при кораблях

Зевс, и троян и Гектора к стану ахеев приблизив,
Их перед судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракийян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных¹, питавшихся только млеком,
Справедливейших смертных.
Более он на Трою очей не склонял светозарных; (...).

ОДИССЕЯ

XI, 12-19.

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги,²
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана²;
Там киммериян³ печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,

С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

(Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. М., 1967.)

ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ

Гекатей из Милета — первый греческий историк (550-490 гг. до н. э.). Один из видных политических деятелей эллинистического Востока и крупнейший предшественник и источник Геродота. Автор «Землеописания (Объезд земли)» — сочинения, сопровождающегося древнейшей географической картой, и «Генеалогии» — сочинения мифологического и исторического характера. «Землеописание» было одновременно первым географическим и историческим трудом, впитавшим опыт научного познания окружающего мира. Сочинения Гекатея сохранились в отрывках. В них содержатся древнейшие свидетельства о скифских и кавказских племенах.

ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ (отрывки)

Гекатей в описании Европы

Фр.153. Каркинитиды, город скифский⁴.

Фр.154. Меланхлены (черноризцы), народ скифский⁵. Названы так по их одежде, как гиппомолги, потому что доят кобыл, а моссины — за их жилища.

Фр.156. Матикеты, народ скифский.

Фр.158. Исеп, народ скифский⁶.

Фр.161. Дандарии, народ у Кавказа⁷.

Фр.162. Типаниссы, народ у Кавказа⁸.

Гекатей в описании Азии

Фр.164. Город Фанагория⁹, получивший название от Фанагора.

Фр.165. Апатур, святилище Афродиты в Фанагории.

Фр.166. Иксибаты¹⁰, народ у Понта, соседний с Синдикою.

Фр.167. Иамы, народ скифский.

Фр.168. Исседоны¹¹, народ скифский.

Фр.169. Катанны, народ у Каспийского моря.

(Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. N 1. С.298-301.)

ГЕРОДОТ

Геродот (ок. 485 — ок. 425 гг. до н. э.) родился в г.Галикарнасе (Малая Азия). Много путешествовал по различным странам: Египту, Сирии, Вавилону, был в Северном Причерноморье, в Ольвии. Автор «Истории греко-персидских войн» в девяти книгах. Считается отцом истории и этнографии. Труд Геродота, основанный на личных впечатлениях и рассказах местных жителей, содержит ценные исторические сведения, этнографические наблюдения, эпические сказания и легенды о племенах Северного Причерноморья. Рассказ Геродота насыщен полулегендарными и мифическими сведениями, однако многие данные Геродота, считавшиеся раньше фантастическими, подтверждены в результате археологических исследований.

Книга I

Причина вражды между элинами и персами

Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как элинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

Книга IV («Мельпомена»)

История Скифии и окружающих ее народов

4.1. После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов¹². Так как Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия, спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

4.3. От этих рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав

свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградили свою землю, выкопав широкий ров¹³ от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться».

4.4. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властелинами Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско.

4.5. По рассказам скифов народ их моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой, еще не обитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший — Колак-саис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша¹⁴. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так, жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царствование младшему.

4.6. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а вот от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются скотами, т.е. царскими. Эллы же зовут их скифами.

4.7. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет¹⁵. Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с

благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он может объехать на коне. Так как земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению¹⁶.

4.8. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту, тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

4.9. Проснувшись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там, в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец, женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя, ты отдал за них теперь выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?» Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание».

4.10. С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех

пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Гелон — не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

4.11. Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)¹⁷. С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех, павших в братоубийственной войне, народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

4.12. И теперь еще в скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа¹⁸. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны.

Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары.

4.13. Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Прокинесса, в своей эпической поэме сообщает, как он, одержимый Фебом, прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами — стерегущие золото грифы, а еще выше за ними — гипербореи на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря¹⁹, под напором скифов покинули свою родину. Таким образом, рассказ Аристея не сходен со сказаниями скифов об этих странах.

4.21. За рекой Танаисом²⁰ — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженов деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

4.46. Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме Анахарсиса. Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?

4.60. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не зажигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса.

4.61. Так как в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они

очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия²¹ (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на лесбосские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней.

4.62. Таким-то образом и таких животных они приносят в жертву прочим богам. Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалывают над сосудом. Затем несут кровь наверх, на кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.

4.63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов. Свиней они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране.

4.64. Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь²². Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, иначе — нет. Кожу с головы сдирают следующим способом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи²³. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полоте-

нец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из собранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготовляют чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа действительно толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

4.65. Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши²⁴. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием.

4.66. Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом.

4.71. Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса²⁵. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно

задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше²⁶.

4.81. Численность населения у скифов я не могу определить точно, так как получил об этом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов собственно очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды; вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки непригодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов.

4.83. Дарий готовился к походу на скифов и рассылал вестников к подвластным народам. Одним царь приказывал выставить войско, другим — корабли, наконец, третьим — построить мост через Фракийский Боспор. Артабан, сын Гистаспа, царский брат, настойчиво отговаривал царя от похода, указывая на недоступность скифской страны. Артабану, однако, не удалось убедить царя благоразумными советами, и он отступился. Дарий же, завершив все приготовления к походу, выступил из Сус.

4.101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще десять дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны (четырёхуголь-

ника) Скифии составляют 40 000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка — еще столько же. Такова величина этой области.

4.102. После совещания скифы убедились, что они не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам. Цари последних уже собирались на совет, чтобы обдумать, как им поступить ввиду вторжения такого огромного войска. На совещании присутствовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

4.110. О савроматах рассказывают следующее. Эллины вели войну с амазонками²⁷ (скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает мужеубийцы: «эор» ведь означает муж, а «пата» — убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили (всех) мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали наконец к Кремнам на озере Меотиде. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

4.111. Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

4.112. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

4.113. В подень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять свои естественные

потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставлял амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступать с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое, и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

4.114. После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда наконец они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами, и других у нас не будет». На это амазонки ответили так: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же жены не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе».

4.115. Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: «Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране; ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом».

4.116. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида²⁸. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

4.117. Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай.

4.118. Итак, скифские посланцы прибыли в собрание царей упомянутых племен. Они сообщили, что персидский царь, покорив все племена в другой части света, построил мост на перешейке Боспора и переправился на этот материк. Затем царь подчинил фракийцев и навел мост через реку Истр. Теперь он желает завоевать все их земли. «Вам никоим образом не следует держаться в стороне, — говорили послы, — и допустить нашу гибель. Давайте выступим единодушно навстречу врагу. Если вы не сделаете так, то нам придется покинуть вашу страну или же, оставаясь здесь, добровольно подчиниться захватчику. Что же нам делать, если вы не пожелаете помочь? И вам от этого не станет легче. Ведь персидский царь выступил в поход против нас так же, как и против вас. Покорив нас, он не успокоится и не пощадит и вас. Мы дадим вам важное доказательство наших слов. Ведь если бы персидский царь выступил только против нас одних, чтобы отомстить за прежнее порабощение, то ему пришлось бы, оставив в покое все прочие народы, прямо идти в нашу страну. Тогда всем было бы ясно, что он идет на скифов, а не против других народов. Ведь лишь только царь переправился на наш материк, он подчинил все народности на своем пути. Все остальные фракийские племена уже у него в руках, в том числе и соседние с нами геты».

4.119. После этого сообщения скифов прибывшие сюда цари племен стали держать совет. Мнения участников разделились: цари гелонов, будинов и савроматов пришли к согласию и обещали помочь скифам. Цари же агафирсов, невров, андрофагов, а также меланхленов и тавров дали скифам такой ответ: «Если бы вы прежде не нанесли обиды персам и не начали войны с ними, тогда мы сочли бы вашу просьбу правильной и охотно помогли бы вам. Однако вы без нашей помощи вторглись в землю персов и владели ею, пока божество допускало это. Теперь это же божество на их стороне, и персы хотят отплатить вам тем же. Мы же и тогда ничем не обидели этих людей и теперь первыми вовсе не будем враждовать с ними. Если же персы вступят и в нашу страну и нападут на нас, то мы не допустим этого. Но пока мы этого не видим, то останемся в нашей стране. Нам кажется, что персы пришли не против нас, а против своих обидчиков».

4.120. Получив такой ответ, скифы решили не вступать в открытое сражение с персами (так как эти соседи не пожелали им помочь). Скифы стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и

источники и уничтожая траву на земле. Свое войско они разделили на два отряда. К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Отряд этот в случае нападения персов на эту область должен был отступить прямо к реке Танаису вдоль озера Меотида. Если же персы повернут назад, то преследовать их. Это войско принадлежало первой из трех частей скифского царства и получило приказание идти указанным путем. Два других царства — великое царство под властью Иданфирса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом выполнить военный план. Прежде всего нужно было заманить персов в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь и их в войну с персами. Если они не пожелали добровольно выступить против персов, то их надо было заставить воевать против воли. После этого им пришлось бы вернуться в свою землю и напасть на персов, если бы это оказалось разумным.

4.121. Приняв такое решение, скифы выступили против войска Дария, выслав вперед головной отряд лучших всадников. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, они отправили вперед с приказанием все время двигаться на север.

4.122. После этого обоз выступил вперед. Головной отряд скифов встретил персов на расстоянии трехдневного пути от Истра. Скифы опередили врагов на дневной переход и расположились станом, уничтожая всю растительность. Лишь только персы заметили появление скифской конницы, они начали двигаться по следам врагов, которые все время отступали. Затем персы напали на одну из частей скифского войска и преследовали ее в восточном направлении к реке Танаису. Скифы перешли реку Танаис, а непосредственно за ними переправились и персы и начали дальнейшее преследование, пока через землю савроматов не прибыли в область будинов.

4.123. Пока путь персов шел через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Названия этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис²⁹.

4.124. Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился станом на реке Оаре. Затем царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии — около 60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились еще до нашего времени. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершенные постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится все скифское войско и что скифы бежали на запад.

4.125. Дарий шел с войском весьма быстро и, прибыв в Скифию, встретил там оба отряда скифского войска. Столкнувшись с врагами, царь начал преследование, причем скифы опережали его на один день пути. И так как Дарий не прекращал преследования, то скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племен, которые отказали им в помощи, и прежде всего — в страну меланхленов. Вторжение персов и скифов устрасило меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага в область андрофагов. Устрашив и этих, они стали отступать в землю невров. После этого, наведя страх и на невров, скифы отступили к агафирсам. Агафирсы увидели, как их соседи бежали в страхе перед скифами и послали глашатая, прежде чем те проникли в их землю, с запрещением вступать в их пределы. Агафирсы заявили, что если те все же посмеют вторгнуться в их страну, то им придется сначала выдержать смертельный бой с ними — агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Меланхлены же, андрофаги и невры не осмелились оказать сопротивление персам и скифам. Забыв о своих угрозах, они в страхе бежали все дальше на север в пустыню. Скифы же не пошли в страну агафирсов, так как те не желали их пропускать, а стали заманивать персов из страны невров в свою землю.

4.126. Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры».

4.127. На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработан-

ной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте их разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это (я сказал) о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров — земли и воды — я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!» Таков был ответ скифов.

4.128. С этим сообщением глашатай отправился к Дарию. Цари же скифов, услышав слово «рабство», пришли в негодование. Они послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Истр. Остальные решили не завлекать дальше персов, а нападать на них, когда те выходили на поиски пищи. Выполняя это решение, скифы подстерегали воинов Дария, когда те добывали себе пищу. Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Бегущие персидские всадники нападали на своих же пехотинцев, которые являлись им на помощь. Тогда скифы, отбив нападение конницы, поворачивали назад из страха перед пехотинцами. Подобные же нападения скифы производили и по ночам.

4.129. Теперь я расскажу о весьма удивительном явлении, которое благоприятствовало персам и мешало скифам при их нападениях на стан Дария, именно о реве ослов и мулов. Ведь, как я уже раньше заметил, во всей Скифской земле из-за холодов вообще не водятся ослы и мулы. Поэтому-то ослиный рев приводил в смятение скифскую конницу. Нередко во время нападения на персов скифские кони, слышав ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не слыхали таких звуков и не видавали подобной породы животных. Впрочем, это обстоятельство лишь короткое время помогало персам на войне.

4.130. Скифы же, замечая замешательство персов, поступали следующим образом, стараясь как можно дольше удержать персов в своей стране и терзая их нуждой и лишением всего необходимого. Скифы оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами уходили в другое место. Персы же приходили, захватывали скот, каждый раз при этом гордясь своей удачей.

4.131. Это повторялось часто, пока в конце концов Дарий не оказался в затруднительном положении. Скифские цари, проведав об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти

дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

4.132. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему (в знак покорности) землю и воду, так как-де мышь живет в земле, питаясь, как человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа (по быстроте) на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснил смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите на небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами».

4.133. Так персы стремились разгадать значение этих даров. Между тем один отряд скифов, прежде стоявший на страже у Меотийского озера, отправился к Истру для переговоров с ионянами. Придя к мосту (на Истре), скифы обратились к ионянам с такими словами: «Ионяне! Мы принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать. Мы узнали, что Дарий повелел стеречь мост только 60 дней и, если он за это время не придет, то вы должны вернуться на родину. И вот, если вы теперь так и поступите, то не провинитесь ни перед царем, ни перед нами. Обождите указанное вам число дней и после этого отплывайте на родину». Ионяне обещали исполнить просьбу скифов, и те тотчас поспешили назад.

4.134. После принесения даров царю оставшиеся в своей земле скифские отряды — пехота и конница — выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой». На это Гобрий ответил: «Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь губительного для нас решения».

4.135. Такой совет дал Гобрий. Когда настала ночь, Дарий начал приводить его в исполнение. Слабосильных воинов из тех людей, потеря которых была для него наименее важной, а также всех ослов на привязи царь оставил на месте в лагере. Ослы царь оставил, чтобы те ревели, а людей — из-за их немощи, под тем предлогом, однако, что он намеревается с отборной частью войска напасть на скифов; слабосильные же должны-де в это время охранять стан. Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежнего. Скифы же, слыша ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане.

4.136. На следующий день оставленные в стане персы поняли, что Дарий предал их. Простирая руки к скифам, они стали молить о пощаде и рассказали им все, что произошло. Услышав это, скифы поспешно объединили свои силы, именно два отряда скифов (один отряд вместе с савроматами и другой с будинами и гелонами), и начали преследование персов прямо к Истру. Персидское войско большей частью состояло из пехотинцев и не знало дороги (хотя проезжих дорог там и не было), а скифы были на конях и знали кратчайший путь (к Истру). Поэтому оба войска разошлись, и скифы пришли к мосту гораздо раньше персов. Когда скифы увидели, что персов еще нет, они обратились к ионянам, которые находились на своих кораблях, с такими словами: «Ионяне! Назначенное вам (для ожидания) число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступите неправильно. Ведь вы только из страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушьте переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придется выступать походом против какого-нибудь народа».

(Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А.Стратоновского. Л., 1972, с.187-222.)

ПСЕВДО-ГИППОКРАТ

Родился на о.Кос в 460 г. до н. э., умер в 377 г. до н. э. (по другим источникам, в 356 г. до н. э.). Знаменитый древнегреческий врач и естествоиспытатель. Вел жизнь странствующего врача (периодевта), объездив Грецию, Малую Азию, Ливию, побережье Черного моря, земли скифов.

О ВОЗДУХЕ, ВОДАХ И МЕСТНОСТЯХ (24, 25)

24. В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из лука и мечут дротики, сидя на коне, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями, не прежде чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не появится необходимость поголовно выступить в поход. У них нет правой груди, ибо еще в детстве матери их, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет возможность расти, и вся сила и изобилие соков переходит в правое плечо и руку.

25. Относительно внешнего вида прочих скифов, именно сходства их между собой и несходства с другими народами, можно сказать то же, что и об египтянах, исключая то, что у вторых это обуславливается знойностью климата, а у первых — холодом. Так называемая «скифская пустыня» представляет собой равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошаемую: по ней текут большие реки, которые отводят воду со степей. Здесь-то и живут скифы: называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягаются по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватит, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «иппаку» (это сыр из кобыльего молока).

(Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С.323-327.)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ (ок. III в. до н. э.)

РАССКАЗЫ О ДИКОВИНАХ

833в,46. Рассказывают также, что река Окс у бактрийцев приносит множество золотых крупиц, и в Иберии³⁰ река Теодор много золота намывает у своих берегов.

845а,141. Рассказывают, будто яд, которым скифы смазывают наконечники своих стрел, они добывают из змей. Обычно скифы отыскивают змей, только что выведших потомство (и убив их), оставляют сгнивать несколько дней. Когда по их расчетам содержимое окончательно разложилось, они наполняют небольшой сосуд человеческой кровью и, оставив его закрытым, закапывают в навозную кучу. Когда же и это окончательно разложится, они смешивают водянистую гниль крови и слизистые останки гадюк. Таким образом получают они смертельный яд.

(Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах / Пер.Н.А. Поздняковой // ВДИ. 1987. N 4. С.229,247.)

ПАЛЕФАТ

Личность Палефата остается загадочной. Возможно, он был современником и учеником Аристотеля.

О НЕВЕРОЯТНОМ

XXXII. Об амазонках

И про амазонок я утверждаю следующее: это не были воинственные женщины, а мужчины-варвары, которые носили хитоны до пят, как фракиянки, на головах — митры, а бороды сбривали, как теперь папатриаты, живущие у Ксанфа³¹. Поэтому врачи и звали их бабами. Вообще же амазоны были племенем доблестным в сражениях. А чтобы когда-нибудь существовало женское войско, невероятно, и сейчас нигде такого нет.

(Палефат. О невероятном / Пер. В. Н. Ярхо // ВДИ. 1988. N 4. С.226.)

ПСЕВДО-СКИЛАК КАРИАНДСКИЙ

Скилак, уроженец Карийского города Карианд, жил в IV в. до н. э. и был известным и уважаемым путешественником. Его слава исследователя ойкумены явилась причиной того, что неизвестный автор IV в. до н. э. присвоил своему произведению имя знаменитого Скилака. Оно представляет собой компиляцию, объединяющую древние и новые для второй половины IV в. до н. э. сведения.

ПЕРИПЛ ОБИТАЕМОГО МОРЯ ЕВРО-

ПЫ, АЗИИ И ЛИВИИ, И СКОЛЬКО И КАКИЕ НАРОДЫ В КАЖДОЙ; ЗАТЕМ ЕЩЕ ОБЛАСТИ И ЗАЛИВЫ И РЕКИ; И КАКОВА ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПЛАВАНИЙ, И СЕМЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, И У КАКОГО МАТЕРИКА КАЖДЫЙ ЛЕЖИТ

ЕВРОПА

68. Скифия. Тавры. За Фракией живут скифы... От Пантикапея же к устью залива Меотиды — 20 стадиев. Говорят, что залив Меотиды — половина Понта³². У прямо идущего в залив Меотиду по левую руку остаются скифы: ведь они живут за Таврикой от внешнего (Черного) моря до залива Меотиды.

Сирматы³³. (После скифов) племя (сирматы) и река Танаис, (которая) разграничивает Азию и Европу.

69 (...). Величайшие же реки в Европе — Танаис, Истр, Родан³⁴.

АЗИЯ

70. Савроматы. А за рекой Танаисом начинается Азия, и первое племя ее в Понте — савроматы. Племя же савроматов женоуправляемое.

71. Меоты. С женоуправляемыми соседят меоты.

72. Синды. После же меотов живут синды.

(Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря... / Пер. Ф.В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. N 1. С.262; N 2. С.260.)

ПСЕВДО-СКИМН

Краткое землеописание, предназначавшееся, вероятно, для употребления в школах, написано около 90-го г. до н. э. Неизвестный автор излагает описание части северо-причерноморского побережья преимущественно по Деметрию Каллатийскому (III — II вв. до н. э.), а описание восточной части Крымского и Кавказского побережья составлено по Эфору (IV в. до н. э.). Его сочинение отражает некоторые из весьма существенных перемещений, имевших место в положении скифо-сарматских племен в III—II вв. до н. э.

АЗИЯ

874-885. На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя

материки на две части, — первыми живут сарматы, — занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам (писателя) Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору, оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Термодонте, по ним-то они получили название женоуправляемые.

(Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Пер. И.И. Бережкова // ВДИ. 1947. N 6. С.309-310.)

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н. э.) — историк, путешественник, жил в Риме. Автор сводной «Исторической библиотеки» в 40 книгах, от легендарных времен до середины I в. до н. э.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

2. Древнейшая история Скифии

Амазонки, гипербореи

(II, 43-46)

43. Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю (с индийцами) страну. Они сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство (2). Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракс³⁵ и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличающегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях — побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса (3). Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скифа, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами... В числе потомков этого царя были два брата, отличающиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой — Нап (4). Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, другой напами. Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили

себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила (5). Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до восточного океана³⁶, с другой — до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие (6). Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных переселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами (7). Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню.

44. После того, когда в Скифии случилось однажды междуцарствие, воцарились в ней женщины, отличавшиеся силою. У этих народов женщины подобно мужчинам приучаются к войне и нисколько не уступают им в храбрости; поэтому много великих подвигов было совершено славными женщинами не только в Скифии, но и в соседних с ней землях (2). Например, когда персидский царь Кир, могущественнейший царь своего времени, со значительными силами двинулся походом, то скифская царица перебила персидское войско и самого Кира захватила в плен и распяла. Составившееся таким образом племя амазонок отличалось такой храбростью, что не только опустошило много соседних стран, но и покорило даже значительную часть Европы и Азии (3). Так как мы упомянули здесь об амазонках, то считаем не лишним рассказать и о них, хотя наш рассказ, может быть, вследствие своей невероятности, покажется похожим на сказку.

45. Жил у реки Термодонта³⁷ народ под управлением женщин, которые наравне с мужчинами занимались военными делами. Говорят, что одна из них, имевшая царскую власть, отличалась мужеством и силой (2). Составив войско из женщин, она стала обучать его военному искусству и покорила кое-кого из соседей. Приобретая все более и более доблести и славы, она постоянно делала набеги на соседние племена и, возгордившись вследствие удач, провозгласила себя дочерью Ареса, а мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы; затем она издала законы, которыми женщин вызывала на воинственные состязания, а мужчинам предоставила смирение и рабство (3). У детей мужского пола они калечили ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе, а у девочек выжигали правую грудь, чтобы в пору телесной зрелости она не выдавалась и не мешала им. По

этой причине племя амазонок и получило это название (4). Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица построила большой город при устье реки Термодонта, по имени Фемискиру, выстроила славный дворец, и во время походов обращая большое внимание на дисциплину, сначала покорила всех соседей до реки Танаиса (...).

46. Дочь ее, унаследовавшая царство, в доблести подражала матери и в отдельных подвигах даже превзошла ее, девиц она с самого юного возраста приучала к охоте, каждый день обучала военному искусству (2) и установила пышные жертвоприношения Аресу и Артемиде, по прозванию Таврополе. Отправившись войною в страну за рекой Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычей, построила великолепные храмы упомянутым богам и своим кротким управлением снискала себе величайшую любовь своих подданных. Затем она отправилась войной в другую страну, приобрела большую часть Азии и распространила свое владычество до Сирии (...).

Рассказ о встрече царицы амазонок Фалестрии с Александром

77. Когда Александр возвратился в Гирканию, к нему прибыла царица амазонок по имени Фалестрия, властвовавшая над страной между Фасисом и Термодонтом. Она отличалась красотой и телесной силою и своею храбростью возбуждала удивление соплеменников. Оставив свое войско на границах Гиркании, она прибыла с тремястами амазонок, облеченных в боевые доспехи (2). Когда царь, удивляясь неожиданному появлению и красоте этих женщин, спросил Фалестрию, по какой надобности она прибыла к нему, Фалестрия заявила, что явилась с целью иметь от него ребенка: (3) он, по ее словам, превзошел своими подвигами всех мужчин, а она сама выдается из среды женщин силой и храбростью; поэтому можно ожидать, что дитя, рожденное от двух первенствующих родителей, превзойдет доблестями прочих людей. Царь, очень обрадовавшись и приняв ее предложение, провел с нею тридцать дней и затем отпустил ее на родину, почтив достойными дарами.

(Латышев В.В. Известия... // ВДИ. 1947. N 4. С.307-325.)

СТРАБОН

Родился в 64—63 г. до н. э. в Амасии (Малая Азия) — умер около 23—24 г. н. э. Древнегреческий географ и историк. Автор «Географии» (закончена ок. 7 г. до н. э.). Труд Страбона должен был служить своего

10. О НАСЕЛЕНИИ СКИФИИ (II, 5; 7)

7. (...) За Борисфеном³⁸ же обитают роксоланы³⁹, последние из известных скифов, хотя они живут южнее, чем наиболее отдаленные известные нам народы северной Бретании; и области за страной роксолан необитаемы вследствие холода. Южнее роксоланов живут савроматы (за Меотийским озером), а также скифы, страна которых простирается вплоть до восточных скифов.

11. ИЗ ОПИСАНИЯ ЧЕРНОГО МОРЯ И ОКРУЖАЮЩИХ ЗЕМЕЛЬ (II,5;31)

31. От Танаиса и Меотиды простираются уже сарматские области по эту сторону Тавра, смежные с Танаисом и Меотидой, а за ними следуют области за Тавром, горная цепь Тавра делит Азию на две части (а Тавр тянется от оконечности Пафлагонии к восточному морю у Индии и у живущих там скифов); греки называли ту часть материка, которая обращена к северу, лежащей «внутри» Тавра, а часть, обращенную к югу, лежащей «вне» Тавра; соответственно земли, прилегающие к Меотиде и к Танаису, относятся к областям «внутри» Тавра. Первые из этих частей расположены между Каспийским морем и Евксинским Понтом и оканчиваются в одном направлении у Танаиса и Океана, т.е. как у Внешнего Океана, так и у части его, образующей Гирканское море; в другом направлении они оканчиваются у перешейка, там, где расстояние от впадины Понта до Каспийского моря наименьшее. Затем идут области «внутри» Тавра к северу от Гиркании, до моря у скифии, до живущих там скифов и горы Имей. В этих областях частью обитают меотийские савроматы и савроматы, живущие между Гирканским морем и Понтом, вплоть до Кавказа, и области иберийцев и албанцев, а также скифы, ахейцы, зиги и гениохи; частью же за Гирканским морем живут скифы, гирканцы, парфяне, бактрийцы, согдийцы и остальные обитатели областей, лежащих на север от Индии. К югу от части Гирканского моря и от всего перешейка между этим морем и Понтом простираются большая часть Армении, Колхида, вся Каппадокия до Евксинского Понта и до тибаранских племен (...)

17. ОПИСАНИЕ КАВКАЗА (XI,I; 5-6; 2-5)

5. Те, кто переходит в географическом описании от Европы к Азии,

при разделении на две части встречаются сначала с северными областями. Поэтому приходится начинать с них. Из самых северных стран первыми (я буду описывать) области на Танаисе, который принят мною за границу Европы и Азии. Эти области до некоторой степени похожи на полуостров, Н к. с запада омываются рекой Танаисом и Меотидой вплоть до Боспора и до части побережья Евксинского Понта, оканчивающейся у Колхиды; с севера их омывает океан до устья Каспийского моря; далее с востока — то же самое море вплоть до границы Албании и Армении, где впадают в море реки Кир и Аракс (...).

II

1. При таком географическом положении первую часть — от северных стран и до океана — населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг от Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием. Вокруг озера Меотиды живут меоты (...).

2. Танаис течет из северных областей, однако не в диаметрально противоположном направлении к течению Нила, как думает большинство, но восточнее его; (как у Нила) истоки Танаиса неизвестны (...). Устья Танаиса мы знаем (их два) в северной части Меотиды, в 60 стадиях друг от друга; однако выше устья известна только небольшая часть течения реки, из-за холодов и скудости, которую местные жители могут переносить, т.к. они питаются мясом и молоком по обычаю кочевников, но чужеземцы не переносят ее. Кроме того, кочевники, не вступающие в общение с другими народностями, и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходные части реки. По этой причине одни предположили, что истоки этой реки находятся в Кавказских горах; течет она сначала на север, а после изгиба впадает в Меотиду (с ними согласен и Феофан Митиленский), напротив, согласно сведениям других, Танаис течет из областей в верховьях Истра, однако, они не приводят доказательства в подтверждение столь отдаленного истока реки из других «климатов»⁴⁰, как-будто невозможно, чтобы река начиналась вблизи и на севере.

3. На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон⁴¹ за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора — с другой: первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют

в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода. В 100 стадиях перед этим торговым центром лежит остров Алопекия — место жительства смешанных поселенцев (...).

4. При плавании вдоль побережья, отправляясь из Танаиса, мы встречаем прежде всего на расстоянии 800 стадий реку под названием Большой Ромбит, где находятся самые большие места ловли рыбы, назначенной для засола (...). Ведь по всему этому побережью меоты. Хотя они и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники. Они распадаются на несколько племен, причем живущие вблизи Танаиса отличаются большей дикостью, а те, что граничат с Боспором, более цивилизованы.

5. (...) Некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы — это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии. Однако скифы вытеснили их из этой области, а последних — греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре.

V

7. Спускаясь к предгорьям, попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом. Дело в том, что эта область прилегает к равнинам сираков. Здесь живут также некоторые троглодиты⁴², из-за холодов обитающие в звериных берлогах; но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами следуют хамекеты⁴³ и так называемые полифаги⁴⁴ и селения исадигов, которые еще в состоянии заниматься земледелием, т.к. живут не на самом севере.

8. Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксаны⁴⁵, а также племена сираков и аорсов⁴⁶. Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20000 всадников (в то время, когда Фарнак владел Боспором). Спадин же, царь аорсов, даже 200000; однако, верхние аорсы выставили еще больше, т.к. они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки — по течению Ахардея, который вытекает с кавказских гор и впадает в Меотиду.

(Страбон. География: В 17 кн. / Пер. Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964.)

ПОМПЕЙ ТРОГ

*Жил на рубеже нашей эры. Первый из латинских авторов написал всеобщую историю в 44 книгах, которую он окончил в 9 г. н. э. По-
длинное сочинение Трога до нас не дошло, сохранились лишь фрагмен-
ты. Помпей Трог изображает скифов в подчеркнуто идеализирован-
ном виде.*

ИСТОРИЯ

II.1. Рассказ о подвигах скифов, которые были достаточно велики и важны, следует вести с самого их происхождения; (2) начало их истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужчин они прославились не более, чем женщин, (3) в самом деле, сами они были родоначальниками парфян и бактрийцев, а жены их основали царство амазонок (5). Скифское племя всегда считалось самым древним, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения (6).

2. Скифия, расстилаясь по восточному направлению, с одной стороны ограничивается Понтом, с другой — Рифейскими горами⁴⁷, с тыла — Азией и рекой Фасисом (2)⁴⁸. Она очень велика и в длину и в ширину. Между отдельными народами нет никаких границ: они не занимаются земледелием, у них нет ни домов, ни других жилищ, ни постоянных мест жительства, так как они постоянно пасут стада крупного и мелкого скота и по привычке кочуют по неводеланным степям. Жен и детей они возят с собой на повозках, которые и служат им жилищами. Понятие о справедливости внушено им собственным умом, а не законами. Самым тяжким преступлением считается воровство: в самом деле, у народа, не прибегающего под защиту кровли и владеющего крупным и мелким скотом, что оставалось бы в лесах, если бы воровство считалось позволительным? К золоту и серебру они не питают страсти подобно остальным смертным. Пищей им служит молоко и мед; употребление шерстяных вещей им неизвестно, и, хотя они страдают от постоянных холодов, но употребляют для одежды только звериные и мышинные шкуры. Эта воздержанность произвела у них и справедливость, именно отсутствие страсти к чужому: ведь страсть к богатствам бывает только там, где умеют ими пользоваться. О, если бы у остальных смертных была бы подобная умеренность и воздержание от чужого; конечно, не столько войн происходило бы во все века и во всех землях, и железо и оружие не похищали бы больше людей, чем естественные условия их

судеб. Весьма удивительным кажется, что сама природа дает им то, чего греки не могут достигнуть путем длинной науки мудрецов и наставлений философов, и что необразованное варварство при сравнении оказывается выше образованных нравов: настолько первым полезно незнакомство с пороками, чем последним знание добродетели.

3. Владычества над Азией скифы добивались трижды, сами они постоянно оставались или нетронутыми, или непобежденными чуждым владычеством...

(Латышев В.В. Известия... // ВДИ. 1949. N 1. С. 247-256.)

ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД СТАРШИЙ

Родился в 23 или 24 г. н. э., погиб 25 августа 79 г. в Стабии, оказывая помощь пострадавшим при извержении Везувия. Римский государственный деятель и ученый. Автор нескольких сочинений, из которых сохранилась только «Естественная история» — свод знаний античной науки о природе.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

1. Географическое описание Северного Причерноморья и Кавказа

(II, 246)

246. От устья Танаиса ничего относительно измерения не давали даже самые тщательные авторы. Артемидор считал неисследованным все, находящееся дальше, хотя и сообщил, что вокруг Танаиса по направлению к северу живут сарматские племена. Исидор писал, что оттуда до Фулы 1250 миль, но это предположение принадлежит к области догадок. Я думаю, пределы сарматов надо считать не меньшими, чем было выше сказано. А иначе каково же должно быть пространство, которое вмещает бесчисленные племена, время от времени меняющие свои места обитания? (...)

(III, 3)

Весь круг земель разделяется на три части: Европу, Азию, Африку. Начало — с запада и Гадитанского пролива, врываясь в который Атлантический океан разливается на внутренние моря. Для входящего отсюда по правую сторону находится Африка, по левую — Европа, а между ними — Азия. Границы — реки Танаис и Нил.

19. Начиная от Киммерии, у Меотийского озера живут меотики: галисерны, серреи, скифы, гниссы; затем у Танаиса, который при впадении образует два устья, живут сарматы, происходящие, как говорят, от мидян, сами же они разделяются на многие племена. Первые савроматы — гинекократумы⁴⁹, произошедшие от браков с амазонками, затем невазы, колты, кизики, мессенианы, костобоки, зекеты, зиги⁵⁰, тиндары, туссегеты, тирки — вплоть до пустынных мест, труднодоступных из-за лесных ущелий, за которыми аримфеи, достигающие Рипейских гор (...).

20. Самый Танаис скифы зовут Сином⁵¹, а Меотийское озеро — Темарундой, что значит на их языке «мать моря». Есть город и при устье Танаиса (...). Некоторые помещают вокруг Меотийского озера до Керавнских гор следующие племена: по берегу живут напры⁵², выше их по вершинам гор — эсседоны⁵³, владения которых простираются до колхов.

21. Затем камаки, ораны, автахы, мазамаки, каптиокапты, агаматы, пихи, римосолы, ахаскомарки, а у Кавказского хребта — итахалы, имадохи, рамы, андахи, тидии, каратасеи, автианды. С Катейских гор течет река Лагой, в которую впадает Офар; здесь живут племена кавтады, офариты; реки Менотар и Имитий текут с Киссийских гор по землям агдеев, карнов, оскардеев, аккисов, габров, гегаров, а у истоков Имития живут имитии и апартеи.

22. По другим авторам, сюда вторглись скифские племена авхеты, асампаты и истребили поголовно танаитов и инапеев. Наконец, по некоторым известиям, река Охарий течет через земли каптиков и сапеев⁵⁴. Танаис же перешли⁵⁵ сатархеи, гертихеи, спондолики, сингие-ты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, пианда-реи, сатархеи-спалеи.

2. Исторические и этнографические сведения

(XVI, 160)

160. И если бы кто-нибудь тщательно сосчитал эфиопов, египтян, арабов, индов, скифов, бактров, столь многочисленные сарматские и восточные племена, а также все владения, занимаемые парфянами, то оказалось бы, что во всем мире почти равная часть людей живет, побежденная тростником⁵⁶.

279. Скифы смачивают стрелы ядом змей и человеческой кровью. Это неотвратимое зло приносит немедленную смерть от легкого его прикосновения.

(XXII, 2)

2. Я обращаю внимание на то, что некоторые из иноземных племен пользуются какими-то травами для раскрашивания своего тела ради красоты или постоянных священных обрядов. У варварских народов женщины намазывают друг другу лица, а у даков и сарматов даже мужчины разрисовывают себе тела.

3. Флора

(XXV, 82-83)

82. (Целебные свойства) трав открыли и целые народы. Скифами впервые найдена трава, которая называется скифской; растущая у Меотиды, весьма сладкая, она очень полезна при различных болезнях, но особенно при тех, которые называют удушьями. Ее особенно следует рекомендовать и потому, что держащие ее во рту не чувствуют жажды и голода.

83. Такое же свойство имеет у скифов гиппака⁵⁷, отличающаяся тем, что производит вышеназванный эффект также на лошадей. Говорят, что благодаря этим двум травам скифы могут терпеть голод и жажду даже в течение 12 дней.

(XXVI, 146)

146. Скифы лечат раны скифской травой.

4. Фауна

(156,162,165)

156. Скифская конница гордится славой своих коней. Когда был убит один царек, сражавшийся по вызову со своим врагом, и победитель подошел, чтобы снять с убитого доспехи, то конь побежденного ударами и укусами покончил с ним; другой конь, когда ему сняли наглазники, и он узнал, что имел случку с матерью, бросился с обрыва и погиб (...).

162. Сарматы, собираясь в долгий путь, накануне не кормят лошадей, а дают им лишь немного попить, и таким образом они, сидя верхом, продвигаются непрерывно на расстояние 150 миль.

165. Во время войны скифы предпочитают использовать кобылиц, потому что они, испуская мочу, не приостанавливают бег (...).

(VIII, 38-39, 123-124)

38. В Скифии из-за недостатка растительности очень мало животных, немного их и в пограничной с нею Германии. Однако там есть замечательные виды диких быков, гривастые бизоны и туры, отличающиеся силой и быстротой; малограмотный народ называет их буйволами, хотя буйволы водятся только в Африке и похожи, скорее, на теленка и на оленя.

(XI, 90)

90. Скорпионы в Скифии губят даже свиней, вообще отличающихся большой жизненной устойчивостью против ядов такого рода; черных свиней они губят особенно быстро, если те погружаются в воду.

(XXIX, 69-70)

69. Скифы рассекают голову змеи между ушей, чтобы вынуть камешек, который, как говорят, она глотает в испуге. Другие используют всю голову.

70. Из змей изготавливают пилюли, которые греки называют териакком (...). Эти пилюли используют для многих лекарств.

(Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С.792-111.)

ИОСИФ ФЛАВИЙ

Родился ок. 37 г. н. э. и принадлежал к видному иудейскому жреческому роду. В 63 г. н. э. впервые прибыл в Рим и долго жил там.

О ВОЙНЕ ИУДЕЙСКОЙ

VII,7,4. Мы раньше объясняли⁵⁸, что племя аланов есть племя скифов, живущих вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом,

который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревающих мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пахор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, производя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издали набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств.

ПСЕВДО-ПЛУТАРХ

Эта компиляция написана неизвестным Плутархом, происходившим, вероятно, из Александрии и жившим при Траяне и Адриане (к. I — н. II в. н. э.).

XIV. Танаис

1. Танаис — река в Скифии; она прежде называлась Амазонской, потому что в ней купались амазонки, а переименована была по следующей причине. Танаис, сын Беросса и одной из амазонок, Лисиппы, будучи очень скромн, ненавидел женский пол, чтл только Ареса и с презрением относился к браку. Но Афродита вылила в него страстную любовь к его собственной матери; он сначала боролся со своей страстью, но затем, одолеваемый роковым мучением и желая остаться непорочным, бросился в Амазонскую реку, которая по его имени была переименована в Танаис.

2. В этой реке встречается растение, называемое алинда, листья его отчасти похожи на капустные; туземцы растирают его соком и согреваясь от этого, легко переносят холод; на их языке этот сок называется Бересса.

(Латышев В.В. Известия... 1948. N 1. С. 223-226.)

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

Родился ок. 57—58 гг. Умер после 117 г. н. э. Римский историк. В начале II в. н. э. Тацитом были написаны две самые его выдающиеся работы — «История», а затем «Анналы», охватывающие события с 14 до 70 гг. н. э.

ИСТОРИЯ

(I; 2,79)

События января-марта 69 г. н. э.

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре прицепса, погибших насильственной смертью⁵⁹, три гражданские войны⁶⁰, ряд внешних и много таких, что были одновременно гражданскими и внешними, удачи на востоке и беды на западе — Иллирия была объята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свебов объединяются против нас⁶¹, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие⁶²(...).

79. У всех мысли были заняты гражданской войной и границы стали охраняться менее тщательно. Сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мезию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших более о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности, пока неожиданно не встретились со вспомогательными силами третьего легиона⁶³. Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбрелись по округе в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром; лошади их ступали неуверенно, и они, будто связанные по рукам и ногам, падали под мечами солдат. Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих; нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири, которые у них носят все вожди и знать,

делаются из пригнанных друг к другу пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он уже не может. Вдобавок ко всему их лошади вязли в глубоком и рыхлом снегу, и это отнимало у них последние силы. Римские солдаты, свободнодвигающиеся в своих легких кожаных панцирях, засыпали их дротиками и копьями, а если ход битвы этого требовал, переходили в рукопашную и пронзали своими короткими мечами ничем не защищенных сарматов, у которых даже не принято пользоваться щитами. Немногие, которым удалось спастись, бежали в болото, где погибали от холода и ран (...).

(Корнелий Тацит. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. История / Издание подготовили Г.С. Кнабе, М.Е. Грабарь-Пассек, И.М. Тронский, А.С. Бобович. Л., 1969.)

ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ

Землеописание Перизгета пользовалось большой популярностью в эпоху Римской империи. Автор был родом из Египта и писал при императоре Адриане (117 — 138 гг. н. э.), по мнению других комментаторов — Домициане (81 — 96 г. н. э.).

ОПИСАНИЕ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

652-710. Народы за Танаисом и на Кавказе

Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматские племена, славный род воинственного Ареса⁶⁴; они произошли от той могучей любви амазонок, которой они соединились некогда с савроматскими людьми, блуждая вдаль от своей родины Термодонта; от них-то родились воинственные потомки, обитающие в необозримом лесу, среди которого катится Танаис, впадающий в угол Меотиды и отрезающий Европу от Азиатской земли, так что на запад лежит Европа, а на восток — Азия. Истоки его журчат вдаль в Кавказских горах, по скифским равнинам: а когда он сильно взволнуется под дыханием Борея, увидишь на нем и лед, сплотившийся от мороза. Несчастливы те, которые обитают в этой стране: вечно у них холодный снег и пронизывающий мороз; а когда настанет от ветров страшная стужа, своими глазами увидишь умирающих коней или мулов или пасущихся⁶⁵ под открытым небом овец; даже сами люди, которые остались бы под теми ветрами, не уцелели бы невредимыми; но они, запрягши свои повозки, удаляются в другую страну, а свою землю оставляют на волю холодных ветров,

которые, неистовствуя страшными порывами, потрясают землю и поросшие соснами горы. Столько-то народов живет по Танаису. С савроматами же как соседи живут синды, киммерийцы⁶⁶ и живущие вблизи Эвксина керкетии, тореты и сильные ахейцы (...).

718-732. Описание Каспийского моря

Фигура всего великого Каспийского моря представляет собой закругляющуюся окружность; его, пожалуй, не переплывешь на корабле в три лунных круга⁶⁷, столь велик этот трудный путь. Устремляясь снова на север, оно соединяется с течением Океана. Это море представляет много и другого чудесного для людей, а также производит кристалл и темную яшму, страшную для эмпус и других привидений. Я расскажу теперь о том, какие племена живут вокруг него, начавши с северо-западной стороны. Первые — скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря⁶⁸, по устью Каспийского моря, потом унны⁶⁹, а за ними — каспийцы, за этими — воинственные илбаны и кадуссии, живущие в гористой стране; вблизи их — мазды, гирканы и тапиры (...).

(Латышев В.В. Известия... 1948. N 1. С. 236-241.)

АРРИАН

Флавий Арриан жил во II в. н. э. при римских императорах Адриане и Антонине. В 131 — 137 гг. он управлял Каппадокией и в 134 г. совершил плавание по Понту до Диоскуриады.

ТАКТИКА

(Написано на 20-м году царствования Адриана, в 137 г. н. э.)

47. У римлян одни из всадников носят дротики и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же имеют копья.

2.1. Фаланга строится в длину иногда реже, если позволяет местность и будет признано полезнее, а в глубину иногда чаще, если нужно будет самой густотой и натиском отразить врагов (...) (2) или опять, если нужно будет отбить атакующих, как и следует строить против савроматов и скифов.

16,6. Клинообразный строй больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие у скифов (...).

35,3. Скифские воинские значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из

цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. (4) Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. (5) Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой.

44,1. Упоминаются копейщики савроматов или кельтов.

(Латышев В.В. Известия...// ВДИ. 1948. N 1. С. 280-281.)

ПОЛИЕН

Уроженец Македонии. Жил во II в. н. э. Автор сочинения «Военные хитрости» (162 г.) в 8 книгах, содержащего в себе 900 примеров военных хитростей.

ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ

VIII. 56. Амага

Амага, жена Медосакка⁷⁰, царя сарматов, живших на Понтийском побережье, видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, просили ее принять их в число союзников. Амага сначала послала скифскому царю приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то она выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади, и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев, внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоящих у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападавших не столько, сколько они видели, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править страной справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

КЛАВДИЙ ПТОЛЕМЕЙ

Был современником римского императора Марка Аврелия (161 — 180 гг. н. э.). Автор «Географии», которая является выражением космографических и географических идей II в. н. э.

Книга V, глава 8

ПОЛОЖЕНИЕ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

Карта II

1. Азиатская Сарматия ограничивается с севера неизвестной землей; с запада Европейской Сарматией до истоков реки Танаиса и самой рекой Танаисом до впадения его в Меотийское озеро, а также восточной частью Меотийского озера, от реки Танаиса до Киммерийского Боспора...

7. С юга Азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда до реки Корака⁷¹...

12. С востока Азиатская Сарматия ограничивается начинающейся отсюда частью Гирканского моря... Она ограничивается также и Скифией, простирающейся вдоль реки Ра⁷² до поворота⁷³ и вдоль идущего отсюда меридиана до неизвестной земли.

16. Сарматию занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи⁷⁴ ниже их — сарматы царские⁷⁵, народы модоки⁷⁶ и сарматы-конееды⁷⁷, а ниже их — закаты⁷⁸, свардены⁷⁹ и асеи⁸⁰, затем вдоль северного поворота реки Танаиса — многочисленный народ пернербиты⁸¹, а вдоль южного — народ яksamаты⁸².

(Латышев В.В. Известия...// ВДИ. 1948. N 2. С. 243-247.)

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

(333 — 391 гг.) — наиболее значительный историк эпохи заката Римской империи. Поступив на военную службу, посетил западные и восточные провинции Рима, принимал участие в военных походах. В 378 г. поселился в Риме, где написал «Деяния» в 31 книге — римскую историю от Нервы до смерти Валента (96 — 378 гг. н. э.). Особое

ДЕЯНИЯ

Книга XXXI

2.13. Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся от реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии⁸³, населенной аланами, получившими свое название от гор, они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам. (14) Между этими народами срединное положение занимают нервы. За ними живут видины⁸⁴ и чрезвычайно дикие гелоны, которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее одежды себе и боевые попоны для своих коней. С гелонами сопредельны агафирсы, раскрашивающие голубой краской свои тела и волосы: люди низшего сословия — мелкими и редкими узорами, а благородные — широкими, яркими и более чистыми. (15) За ними, говорят, кочуют по разным местам меланхлены и андгрофаги, питающиеся человеческим мясом. Все соседние народы покинули их вследствие этого бесчеловечного способа питания и ушли в отдаленные земли; поэтому-то вся страна, обращенная к летнему востоку, остается необитаемой вплоть до серов. (16) В другой стороне, близ поселения amazонок, живут аланы, обращенные к востоку и рассеянные между многолюдными и обширными племенами, их владения приближаются к азиатским землям и простираются, как я узнал, до самой реки Ганга, пересекающей индийские земли и впадающей в южное море.

2.17. Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии один от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение. (18) У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и, куда бы они ни пришли, то место и считают

родным очагом. (19) Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины с рощами плодовых деревьев⁸⁵; поэтому, куда бы они не переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. (20) Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами. Поэтому-то персы, по происхождению скифы⁸⁶, очень опытные в военном деле.

2.21. Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни; с целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. (22) Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении, а стариков и умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. (23) У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. (24) О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается. (25) Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами(...)

3.1. Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельны с гревтунгами⁸⁷ и обыкновенно называются танаитами⁸⁸, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большой уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные ряды и плодородные владения Эрменриха, царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами наведшего страх на соседние народы. (2) Пораженный силой внезапно надвинувшейся бури, он долго пытал-

ся удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападавших, он добровольной смертью подавил страх больших бедствий⁸⁹. (3) После его смерти новый царь Витимир несколько времени сопротивлялся аланам, полагаясь на других гуннов, которых он деньгами привлек на свою сторону; но после многих поражений потерял жизнь в битве, подавленной силой оружия(...)

(Латышев В.В. Известия...// ВДИ. 1949. N 3. С. 283-305.)

ПРИМЕЧАНИЯ

ГОМЕР

1. Эпитеты «дивные» и «бедные», прилагаемые Гомером к скифам, принимались нередко в древности за этнические наименования.
2. На пути с Эйского острова.
3. О киммерийцах как об историческом народе см.: Геродот (1,103). Океан, по представлению древних, в виде мощной реки омывал земную поверхность.

ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ

4. Засвидетельствована эпиграфически в Крыму, близ совр. г.Евпатории.
5. Ср.: Геродот (IV, 20).
6. Может быть сопоставлено с исседонами.
7. Племя на юго-восточном берегу Азовского моря.
8. Не локализованы.
9. Фанагория основана выходцами из Теоса. Мелетская колония на Таманском полуострове засвидетельствована эпиграфически.
10. Сопоставляется с иксоматами и язаматами позднейших авторов, являются одним из делений племен сарматов (савроматов).
11. Одно из восточно-скифских племен, населявших степные пространства к северу от Каспийского моря. Локализуют исседонов также на р.Исети, в названии которой видят отзвук их племенного имени.

ГЕРОДОТ

12. 514 г. до н. э.
13. Это так называемый Киммерийский вал на совр. Керченском полуострове для защиты Боспора от кочевников.
14. Упомянутые Геродотом золотые предметы почитались скифами.

Так, в Келермесском кургане найдена золотая секира, служившая, по-видимому, предметом культа.

15. Тысячелетнее царство — восточное учение, распространенное также у римлян и этрусков.
16. Вероятно, Геродот имеет в виду метель и вьюгу.
17. Известие Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н. э.) восходит к аккадским источникам. Теснимые массагетами, из совр. Западного Туркестана скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в южно-русские степи.
18. Упомянутая здесь группа киммерийцев, по-видимому, раньше кочевала в Кубанской области, в то время как племена, кочевавшие в Южной России и в Крыму, проникли по западному побережью Черного моря до Геллеспонта и Боспора Фракийского.
19. Здесь Черное море.
20. Танаис — совр. Дон. В основе описания устья Дона лежит, вероятно, какой-нибудь путеводитель по торговому пути из Северного Причерноморья на Восток.
21. Такие скифские котлы известны по археологическим находкам.
22. Кровь убитого врага пьют для того, чтобы вместе с кровью всосать его «силу» (ср.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Пг.; М., 1928. С. 85).
23. Этот рассказ Геродота подтверждается находками в алтайских курганах.
24. При этом обычае играют роль тотемистические представления.
25. Этот способ засвидетельствован также у алтайцев (хунну).
26. Действительно, скифские курганы достигают значительных размеров. Диаметр по основанию больше 100 м, высота свыше 18 м.
27. Миф об амазонках распространился в связи с отмеченными уже древними у некоторых скифских племен следами матриархата. Подобные же обычаи засвидетельствованы у карийцев, ликийцев и лидийцев.
28. Из сообщения Геродота получается, что Танаисом он считал совр. Донец, а нижнее течение Дона вплоть до устья Донца — продолжением Азовского моря. Дон весной разливается при устье до 10 км.
29. Здесь совр. Донец.

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ

30. Не ясно, идет ли речь в данном случае об Испании или Иберии на Кавказе.

ПАЛЕФАТ

31. Ни название города, ни имя народа не известны.

ПСЕВДО-СКИЛАК

32. Для древних было характерно преувеличенное представление о размерах Азовского моря, которое окружающие народы именовали матерью моря (Понта).
33. Так называлось одно из сарматских племен, но не ясно, как оно во второй половине IV в. до н. э. оказалось на правом берегу Дона.
34. Танаис — Дон, Истр — Дунай, Родан — Рона.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

35. Вероятно, имеется в виду р.Сыр-Дарья. Далее по тексту в скобках сохранены цифровые обозначения подлинника.
36. Вероятно, Индийский океан.
37. Совр. р.Терме-чай.

СТРАБОН

38. Борисфен — совр.Днепр.
39. Возможно, одно из сарматских племен.
40. «Климаты» — широтные пояса, исчисленные Гиппархом. За основу расчетов долгот и широт он принял параллель широты через Геракловы столпы и Исский залив, а основным меридианом взял меридиан через Александрию. Затем он провел параллели широты через различные известные места.
41. Полемон I (ок. 16 г. до н. э.) — царь Боспора.
42. Буквально, «пещерники».
43. Буквально «спящие на земле».
44. Буквально «обжоры».
45. Набианы и панксаны — кочевники, вероятно, входившие в племенное образование, возглавляемое сираками.
46. Сираки и аорсы — сарматские племена.

ПОМПЕЙ ТРОГ

47. Уральские горы.
48. Геродот считал восточной границей Скифии реку Танаис, тогда как

в более позднее время (Птолемей) к Скифии относили и североазиатские страны вплоть до Индии.

ГАЙ ПЛИНИЙ СЕКУНД СТАРШИЙ

49. Буквально «женовладеемые».
50. Северокавказские племена.
51. Другое чтение Салис.
52. Вероятно, одно из древних племенных названий Северокавказской Скифии.
53. Исседоны Геродота.
54. Плиний перечисляет племена, локализуемые на Северном и Северо-Восточном Кавказе. Охарий — отождествлялся предположительно с совр. р.Егорлыком или Манычем. Другие реки не локализованы.
55. Плиний отмечает переход части сарматских племен с восточного берега Дона на западный, к западным берегам Меотиды и в Крым.
56. Т.е. стрелами.
57. Гиппака — не трава, а конский сыр.

ИОСИФ ФЛАВИЙ

58. Описываемые события относятся к 68 г.

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

59. Т.е. Гальба, Отон, Вителлий, Домициан.
60. Отона с Вителлием, Вителлия с Веспасианом, Доминициана с Луцием Антонием — мятежным наместником провинции Верхняя Германия.
61. Племенные объединения сарматов к I в. до н. э. проникают на Дунай. В правление Доминициана сарматы уничтожили один римский легион. При том же императоре сарматское племя языгов выступило против римлян в союзе с германским племенем свебов, поселенных по соседству от них еще в 19 г. н. э. Другом Цезарем. В апреле 92 г. Доминициан выступил против сарматов, нанес им сокрушительное поражение и в январе 93 г. вернулся в Рим.
62. Вероятно, имеется в виду Лже-Нерон, появившийся среди парфян ок. 88 г.
63. III гальский легион весной 68 г. был вызван в Италию и, проходя через Мезию (римская провинция в нижнем течении Дуная), принял сражение с сарматами.

ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ

64. К «роду Ареса» Дионисий причисляет савроматов по женской линии, ибо потомством Ареса греки называли мифическое племя амазонок.
65. Точнее, кочующих.
66. Здесь отголоски значительно более ранних данных об исторических киммерийцах.
67. Т.е. в три лунных месяца.
68. Кронийским или мертвым назывался Северный океан. Это связано с представлениями о находящихся в его пределах островах блаженных, где царствовал Кронос. Дионисий, имея в виду Азиатскую Сарматию, т.е. кочевнические племена в низовьях Волги, расширяет понятие Скифии до пределов Северного океана.
69. Одно из древнейших упоминаний об этом прикаспийском племени (м.б. гунны), покорившем в IV — V вв. н. э. алан и объединившем под своим именем многие кочевнические племена Евразии.

ПОЛИЕН

70. Имена, исторически другими источниками не засвидетельствованные.

КЛАВДИЙ ПТОЛЕМЕЙ

71. Совр. р.Кодор.
72. Совр. р.Волга.
73. Имеется в виду небольшой изгиб реки Волги в западном направлении у Енотаевска.
74. Под этим именем Птолемей объединяет ближе не известные ему северные народности между Доном и Волгой и к северо-востоку от Волги.
75. Богатое, по Птоlemeю, сарматское племя.
76. Адомаки Птолемея в Европейской Сарматии.
77. Этот эпитет литературного происхождения.
78. Локализуется к северо-западу от Каспийского моря.
79. Локализуется западнее Волги.
80. Ветвь аланского племени.
81. Неизвестное племенное объединение.
82. Иксибаты Гекатея Милетского.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

- 83. Т.е. Азиатской Скифии и Азиатской Сарматии.
- 84. Будины других авторов.
- 85. Подобные ландшафты реальны лишь в закаспийских степях, т.е. там, где Аммиан указывает родину аланов-массагетов.
- 86. Ср.: Страбон (XI,9,2 и сл., где скифское происхождение приписывается парфянам).
- 87. Племя, по-видимому, меотийского (сарматского) происхождения, впоследствии перешедшее Дунай и соединившееся с германскими племенами.
- 88. Ср.: Плиний. Естественная история (VI, 22).
- 89. В 375 г. н. э.

КИММЕРИЙЦЫ И САВРОМАТЫ

В истории человечества эпоха, именуемая «железный век», имела особое, важнейшее значение. И дело здесь даже не в том, что в быт людей входят железные орудия, хотя огромное значение железа вполне справедливо подчеркивал Ф.Энгельс: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств, оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов». Может быть, важнее то, что в это же самое время, в начале I тысячелетия до н. э. закладываются основы европейской цивилизации, которая в наше время охватывает значительную часть мира.

Сам термин «железный век» появился в древнегреческой литературе. У поэта VIII в. до н. э. Гесиода мы встречаем деление всей истории на периоды, последним из которых был железный век. Отношение самого поэта к этому времени было негативным:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет

Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя.

И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.

Такая характеристика своего времени для автора этих строк не удивительна, так как шла эпоха бурных социальных потрясений и междоусобных войн.

Понятие «железный век» существует и в современной археологии. Так называют период с IX в. до н. э. по IV в. н. э., когда железные изделия вытесняют бронзовые, и железо становится главным материалом для изготовления орудий труда и вооружения. Производство железных изделий зародилось еще в недрах бронзового века. В качестве примера достаточно упомянуть знаменитую гробницу Тутанхамона, среди погребального инвентаря которой найдено несколько железных предметов, в том числе кинжал с золотой рукоятью. Этот пример — показатель высокой ценности железа. Первые железные изделия изготовлены из метеоритного железа. Из-за большого процентного содержания в нем никеля оно поддавалось обработке только путем холоднойковки, что создавало большие неудобства при производстве вещей сложных форм. К тому же метеоритное железо встречается очень редко, количество его крайне незначительно, и оно, безусловно, не могло служить какой-либо серьезной сырьевой базой для черной металлургии.

гии. Перелом наступил только после освоения людьми процесса выплавки железа из руды. Это довольно трудоемкое и сложное дело, и оно было бы невозможным без того опыта, который накопило человечество при бронзолитейном производстве. Единственным способом получения железа из руды в древних обществах был сыродутный. С точки зрения современности, весьма примитивный, когда большое количество металла уходит в шлак, но все же он позволял древним мастерам получать достаточно большое количество железа и подчас высокого качества. Помимо этого, такая металлургия была обеспечена мощной сырьевой базой, особенно в Европе, где сырьем служила болотная руда, распространенная почти повсеместно.

В восточноевропейских степях, включая и Нижнее Поволжье, активное железоделательное производство началось в VIII в. до н. э., однако этот металл был известен местным племенам и ранее. Так, в могильнике Три брата близ Элисты в погребении ямной культуры III тыс. до н. э. был найден бесформенный кусок железа. Там же, в Калмыкии, в курганной группе Бичкин-Булук, в захоронении катакомбной культуры первой половины II тысячелетия до н. э. обнаружен железный нож, или наконечник копья. Химический анализ показал, что он сделан из метеоритного железа. К концу II тыс. до н. э. относятся археологически зафиксированные попытки получения железа из руды — на некоторых поселениях срубной культуры в Воронежской области найдены железные шлаки, шило и кричный прутик (заготовка для какого-то орудия). Но полностью освоить весь технологический процесс получения железа, что и позволило последнему прочно войти в быт людей и вытеснить бронзу, местным племенам удалось лишь к VIII в. до н. э. С этого момента и принято вести отсчет эпохе, называемой «железный век».

Переход к железнному веку повлек очень большие изменения в жизни древних племен Волго-Донских степей. Появление железа, видимо, стимулировало ускорение социальных процессов. Прямой зависимости второго от первого не наблюдается, но широкое применение железных орудий могло сыграть роль социального катализатора. В это время племена, населявшие степи Евразии, вступают в стадию общественного развития, которую Ф.Энгельс вслед за Л.Морганом назвал «военной демократией». Появляются вожди, вокруг которых формируются дружины. В таких условиях складываются новые этнокультурные общности — гигантские конгломераты племен, иногда разных по происхождению, объединенных вокруг мощного военно-политического ядра и часто принимавших название племени-гегемона. Эти кочевые объединения входят в соприкосновение с древними государствами Востока и с первыми греческими поселенцами, появившимися в VII в. до

н. э. на берегах Черного моря. Их названия появляются в письменных памятниках, и из этих источников мы можем почерпнуть некоторые сведения по истории древних народов, живших на территории нашей страны. Первым из таких народов, имя которого упоминается в ближневосточных и греческих письменных источниках, были киммерийцы. Сведения о них, правда, весьма скудные, содержатся в поэмах Гомера. В «Илиаде» они выступают под именем «гиппомолгов-млекоедов», или доителей кобылиц. В «Одиссее» сообщение о киммерийцах более обширно. Область обитания киммерийцев рисуется Гомером как страна с суровым климатом, расположенная на далеком Севере, на берегу Океана, то есть на краю обитаемой людьми земли. Учитывая время сложения гомеровского цикла поэм, исследователи относят эти сведения к VIII — VII вв. до н. э. В то же время киммерийцы под именем гамирра фигурируют в ассирийских и вавилонских клинописных источниках (разведывательных донесениях, дипломатической переписке, хрониках и вопросах к оракулу бога Шамаша). Из них мы узнаем, что в конце VIII в. до н. э. гамирра-киммерийцы появляются в северных пределах Урарту и наносят поражение урартскому войску под командованием Русы I. Позднее, в начале VII в. до н. э. они вторгаются в Малую Азию, нападают на Фригию и Лидию и подвергают эти государства страшным разрушениям. Угроза нависла и над Ассирией, но она сумела выстоять. Сначала Асархаддон нанес поражение Теушпе, а позже, во второй половине VII в. до н. э. Ашурбанипалу удалось разгромить киммерийское войско, возглавляемое Лигдамисом (Тугдамме) и его сыном Сандакаштру, причем оба они погибли. Вскоре после этого события киммерийцы изгоняются из Малой Азии более мощными соперниками — скифами (ишкуза или ашкуза клинописных текстов), и их имя исчезает со страниц ближневосточных хроник.

Весьма ценные сведения о киммерийцах содержатся в «скифском рассказе» Геродота. «Отец истории» определенно помещает область обитания киммерийцев в степях Северного Причерноморья. Во времена Геродота (V в. до н. э.) память о киммерийцах в Скифии была еще жива — так, он упоминает о существовании там киммерийских переправ и укреплений, области по имени Киммерия и Боспора Киммерийского (ныне Керченский пролив). Эти названия присутствуют в сочинениях более поздних античных историков и географов. Народ, оставивший такой глубокий след в литературной традиции, не мог исчезнуть бесследно, и здесь единственным способом подтвердить или опровергнуть данные письменных источников являются археологические исследования.

Несмотря на то, что киммерийская проблема давно интересует археологов, среди исследователей до сих пор не сложилось единого мне-

ния по поводу того, какие именно памятники или археологическую культуру IX — VII вв. до н. э. следует относить к киммерийцам. Такое положение объясняется незначительным числом памятников (всего несколько десятков) и крайне скудными письменными источниками. Но определенные выводы на имеющемся материале сделать все же можно. В степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья предскифская эпоха представлена памятниками, получившими названия по месту первых, наиболее ярких открытий, — камышевахско-черногоровскими и новочеркасскими. Эти две культурные группы или, как считают некоторые исследователи, отдельные и самостоятельные культуры с наибольшей вероятностью могут претендовать на принадлежность их историческим киммерийцам, хотя и в этом вопросе единодушия нет. Так, одни исследователи считают и те и другие памятники киммерийскими и рассматривают их как этапы или ступени развития одной археологической культуры предскифского времени. Другие относят черногоровские памятники к киммерийцам, а новочеркасские — к ранним скифам. Современное состояние источниковедческой базы пока не позволяет разрешить этот спор.

На основе аналогий и отдельных находок вещей балканского и центральноевропейского производства обе группы памятников датируются в пределах IX — VII вв. до н. э., при этом черногоровская группа более ранняя, а новочеркасская — более поздняя. В черногоровское время железные изделия единичны, они лишь начинают входить в быт людей, а в новочеркасское — железо завоевало уже прочные позиции. Находки в новочеркасских погребениях железных вещей, в первую очередь предметов вооружения, нередки. Обе группы памятников представлены лишь погребениями, как правило, впущенными в более ранние курганы, и так называемыми кладами — наборами металлических вещей (предметов вооружения и деталей конской узда). Несмотря на усиленные поиски, до сих пор не удалось обнаружить поселений или стоянок предскифской эпохи, а это является ярким свидетельством кочевого образа жизни населения степей Северного Причерноморья в это время. Происхождение культур типа Черногоровки и Новочеркасского клада исследователи связывают с культурой племен эпохи поздней бронзы, обитавших в степях Причерноморья, в первую очередь с заключительным этапом срубной культуры. Погребальный обряд и материальная культура — в основном, керамика — свидетельствуют о несомненном генетическом родстве позднесрубных и черногоровских памятников. Таким образом, не вызывает сомнений формирование культуры предскифской эпохи в Северном Причерноморье на местной основе, хотя исследователями отмечаются отдельные заимствования восточного происхождения. С другой стороны, новочеркасские памят-

ники непосредственно предшествуют раннескифским, а находки в скифских погребениях VII в. до н. э. предметов вооружения и деталей узды новочеркасского типа с очевидностью демонстрируют влияние культуры киммерийских племен на сложение раннескифской культуры.

Волго-Донские степи являются восточной периферией ареала распространения культур предскифской эпохи Восточной Европы. Поволжские памятники этой поры ни в хронологическом, ни в культурном отношении практически ничем не отличаются от причерноморских. Так же как в степях Украины и Предкавказья, — это немногочисленные погребения, как правило, впускные в более ранние курганы. Они разбросаны на громадной территории и не составляют компактных групп. В Поволжье, так же как и в Причерноморье, полностью отсутствуют поселения этого времени, что служит ярким свидетельством кочевого образа жизни племен нижневолжских степей предскифской эпохи. Впервые захоронения интересующего нас времени были исследованы в Нижнем Поволжье выдающимся русским археологом А.А.Спицыным в 1895 г. у ж.д. станции Лебяжья и с.Норка бывшего Камышинского уезда Саратовской губернии. Они были отнесены к переходной от бронзового к раннему железному веку эпохе и считаются непосредственно предшествующими савроматским памятникам VI в. до н. э., речь о которых пойдет несколько позднее. К сожалению, погребения предскифской поры в Волго-Донских и Заволжских степях, за редким исключением, гораздо беднее причерноморских или предкавказских, и это обстоятельство зачастую не позволяет точно датировать и определить этнокультурную принадлежность того или иного комплекса. Лишь несколько погребений по своему инвентарю сопоставимы с причерноморскими. К ним относится захоронение в кургане у хутора Жирноклеевского близ с.Карповка в междуречье Волги и Дона. Там в могилу вместе с умершим был положен набор резных костяных блях и псалии от конской узды. Еще более яркое погребение было открыто в 1981 г. в могильнике Красная деревня у озера Эльтон. Здесь был обнаружен такой же, как в жирноклеевском погребении, но еще более богатый уздечный набор костяных блях с бронзовыми удилами и псалиями, костяная застежка, бронзовая бляшка, видимо, украшавшая головной убор, глиняный сосуд, каменный оселок и бронзовый нож (рис.4). Это погребение объединяет с жирноклеевским и целым рядом других захоронений близость обряда захоронения, когда умершего клали в могилу в скорченном положении на боку. В этом, вероятно, проявляется традиция предшествующей эпохи поздней бронзы, когда у племен срубной культуры Нижнего Поволжья такой обряд был господствующим. Находки из жирноклеевского и эльтонско-

го погребений позволяют датировать их VIII в. до н. э. и отнести к группе черноголовских памятников. Другую культурную традицию являют собой захоронения, в которых умершие лежат вытянуто на спине. Самым ярким из них является погребение в кургане N 10 у с. Барановка Камышинского района Волгоградской области. Здесь были обнаружены остатки колчана, в котором находились 52 бронзовых, 2 железных, 3 деревянных и 4 костяных наконечника стрел, железный наконечник копья и великолепный резной роговой стержень с двумя костяными кольцами. Резьба на кольцах и стержне инкрустирована красной краской (рис.5). Это погребение входит в круг новочеркасских памятников и датируется второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н. э. Таким образом, в Заволжье и междуречье Волги и Дона предскифская эпоха представлена теми же группами памятников, что и в Причерноморье.

Отличительной чертой поволжских погребений в сравнении с причерноморскими и предкавказскими является бедность их погребального инвентаря. По большей части находки в них очень скудны: керамика, каменные оселки, терочные плитки, кремневые отщепы, мелкие изделия из кости, бронзовые ножи, каменные топоры- молотки и прочие весьма немногочисленные вещи. Большинство предметов вооружения и принадлежностей конской узда обнаружено не в погребениях, а представлено случайными находками. Среди них имеются наконечники стрел и копий, кинжалы, удила и псаии.

Весьма сложен и по сей день не решен вопрос о месте памятников предскифского времени в системе древностей железного века Волго-Донских степей. Ранее уже отмечалось, что они входят в круг памятников киммерийской эпохи, но оставлены ли они собственно киммерийцами? Письменные источники не содержат сведений об обитании этих легендарных племен в Нижнем Поволжье, а сходство погребального обряда и материальной культуры поволжских захоронений с причерноморскими еще не является надежным критерием идентификации их как киммерийских погребений, тем более что эта проблема пока еще не прояснена и для самого Причерноморья. Неясно их отношение к последующей, савроматской эпохе — служили ли они основой для формирования культуры племен скифского времени в Нижнем Поволжье, или они не имеют никакого отношения к этому процессу? К.Ф.Смирнов памятники VIII — VII вв. до н. э. называл протосавроматскими, но при этом отличал их от классических савроматских древностей VI — IV вв. до н. э. Определенная преемственность савроматской культуры от культуры предскифской эпохи прослеживается, и в первую очередь, в формах глиняной посуды, некоторые типы которой идентичны савроматским сосудам. В целом же материальная культура

и погребальный обряд предскифской эпохи Нижнего Поволжья самобытен и сильно отличается от материальной культуры и погребального обряда савроматов. Как уже отмечалось, они в наибольшей степени близки памятникам Причерноморья, которые принято связывать с киммерийцами. Скорее всего, лишь незначительная часть населения нижневолжских степей предскифского времени приняла участие в формировании этнополитического объединения савроматов, поэтому так тонка нить, связывающая культуру племен IX — VIII вв. до н. э. с савроматской. Большая же их часть, видимо, приняла активное участие в малоазиатских походах киммерийцев и бурных политических событиях на Ближнем Востоке VIII — VII вв. до н. э., о которых, впрочем, уже говорилось ранее. Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев и родственных им племен Нижнего Поволжья пока остается дискуссионным. Сейчас большинство лингвистов и археологов высказывается в пользу отнесения их, так же как скифов, саков и савроматов, к древним иранцам. Тем самым перебрасывается еще один мостик, связывающий воедино ранний железный век и эпоху бронзы, и подтверждается вывод о глубокой древности иранского этноса в степях Евразии. Правда, существует еще мнение, по которому термин «киммерийцы», зафиксированный письменными источниками, является исторической фикцией — такого народа никогда не существовало, а сам этноним переводится как «подвижный конный отряд» и объединяет в себе все ираноязычные группы кочевников, совершавших набеги на страны Ближнего Востока. Переднеазиатские народы не могли их толком различать и для общего обозначения употребляли один термин — «киммерийцы». Эта гипотеза, безусловно, интересна, но пока не получила широкого признания среди ученых.

Подытоживая обзор проблем предскифской эпохи, мы можем сделать несколько предварительных выводов. В IX — VII вв. до н. э. в Нижнем Поволжье, так же как и во всей степной полосе Евразии, происходит процесс перехода к кочевому скотоводству, вызвавший глубокие изменения в образе жизни людей. Причины и сам механизм перехода еще до конца не выяснены, этой проблеме посвящена специальная глава данной книги. В это же время в быт древних народов входит железо, активно вытесняющее изделия из бронзы. Упомянувшиеся железные наконечники стрел и копья из погребения у с. Барановка являются в Нижнем Поволжье одними из наиболее ранних изделий такого рода.

Значительные изменения претерпевает социальная структура общества — начинается формирование сословия воинов. Вместе с тем военизируется все общество, степные племена приходят в движение. В ближневосточных и греческих источниках киммерийцы рисуются как

грозная военная сила, как хорошо вооруженная конная орда, набеги которой наводили ужас на народы Передней Азии. Пожалуй, наиболее эмоционально это отражено в Библии, в пятой главе книги пророка Исаии, относящейся к VIII — VII вв. до н. э.: «... И поднимет знамя народам дальним, и даст знак живущему на краю земли, — и вот он легко и скоро придет; не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его, как вихрь; рев его — как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет, и схватит добычу и унесет; и никто не отнимет». Данные письменных источников подтверждают археологические материалы — в Северном Причерноморье среди черноморовских и новочеркасских древностей выделяются погребения конных воинов, вооруженных мечами, боевыми топорами, копьями и луками со стрелами. В Волго-Донских степях процесс социальной дифференциации выглядит менее ярко — лишь три погребения по всем показателям можно связать с воинами: жирноклеевское, эльтонское и барановское. Какого-либо удовлетворительного объяснения этому факту пока нет, возможно, здесь играла роль оторванность Нижнего Поволжья от центров древних цивилизаций того времени. Более быстрыми темпами социальные процессы будут развиваться в более позднюю савромато-сарматскую эпоху.

На историческую арену древнего мира население Волго-Донских степей выходит в скифскую эпоху. Пространства восточнее Дона не входили в ареал обитания скифов, однако южная часть междуречья Волги и Дона и степи Предкавказья служили тем коридором, по которому их орды совершали свои походы на Ближний Восток. Открытие курганов скифской знати в Прикубанье и Ставрополье — бесспорное свидетельство обитания скифов в Предкавказье.

По одной из версий Геродота о происхождении скифов, они обитали в Азии, но будучи тесными войной со стороны своих соседей, перешли реку Аракс, вторглись в Северное Причерноморье и изгнали оттуда киммерийцев. Преследуя их, они через Кавказ проникают на Ближний Восток, где принимают активное участие в бурных политических событиях VII в. до н. э. Этому рассказу вторит сообщение Диодора. Вопрос состоит в том, какую реку следует считать Араксом. По одному из предположений, он отождествляется с Волгой, известной в древности под названием Ра. В этом случае скифы в своем движении на запад не могли миновать Волго-Донские степи. Согласно одной из гипотез, предки скифов — племена срубной культуры эпохи поздней бронзы — обитали в Заволжье. Именно отсюда они и двинулись в Северное Причерноморье. Однако следует заметить, что все большее число исследо-

вателей склоняется к мысли о том, что родиной скифов, местом формирования их культуры были глубинные районы Центральной Азии: Восточный Казахстан, Тува, Монголия. Если следовать этой версии, то скифские племена по пути своей миграции в Причерноморье прошли и нижневолжские степи. Правда, никаких археологических следов их пребывания здесь не зафиксировано. Однако следует учитывать, что, при относительной быстроте миграционного движения кочевников, они их могли и не оставить. Как бы то ни было, основной ареной действий скифов, территорией их обитания с начала VI в. до н. э. были степи Северного Причерноморья и Предкавказья.

Первым из древних народов Нижнего Поволжья, о котором сохранились сообщения в письменных трудах греческих и римских авторов, были племена савроматов. Наиболее ранние сведения о них мы находим в труде Геродота, в котором автор приводит подробные сведения о географии Скифии, расселении скифов и их ближайших соседей. Сразу следует оговориться, что полностью доверять «отцу истории» нельзя — наряду с реальными фактами он приводит совершенно фантастические сведения. Однако специалисты давно сумели выделить в его сочинении рациональную часть, и его труд является ценнейшим источником по истории древних народов, населявших Восточную Европу. В его время граница между Европой и Азией проходила по реке Танаис (современный Дон). Исходя из сообщения Геродота, савроматы — ближайшие восточные соседи скифов — обитали уже в Азии, но не в Европе. Разместив савроматов на географической карте V в. до н. э. — именно к этому времени относится сообщение Геродота, — на время оставим его. В дальнейшем мы еще не раз будем обращаться к его труду.

История исследований савроматских древностей в Нижнем Поволжье насчитывает около ста лет. Впервые они были открыты в результате раскопок А.А.Спицына, произведенных в 1895 г. у станции Лебяжья в бывшем Камышинском уезде. Первая серьезная попытка исследования истории и культуры савромато-сарматских племен была предпринята выдающимся отечественным историком М.И.Ростовцевым. Обладая поразительной интуицией, оперируя тогда еще немногочисленным археологическим материалом, он сумел создать основу хронологии и наметил периодизацию сарматских древностей, по сути, заложил фундамент сарматской археологии. Его книга «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», вышедшая в 1918 г., не потеряла своего значения и сегодня. Источниковедческая база изучения культуры савроматов в Нижнем Поволжье создается в 20-е годы нашего столетия. Благодаря раскопкам П.С.Рыкова, П.Д.Рау, И.В.Синицына, археологи получили возможность изучения самих вещественных источников. Особое значение имеет исследование

в 1925 г. знаменитого кургана А-12 у с.Блюменфельд (ныне Цветочное близ Палласовки). Накопление материала позволило П.Д.Рау в 1929 г. выделить группу погребений VI — IV вв. до н. э. и определить их как савроматские. Этот период накопления и осмысления источников завершила вышедшая в 1947 г. статья Б.Н.Гракова «Пережитки матриархата у сарматов». Эта работа на многие годы определила пути и направления в изучении истории и культуры савромато-сарматских племен.

Основная масса савроматских памятников была исследована в 50 — 60-х годах экспедициями, которыми руководили К.Ф.Смирнов, В.П.Шилов, И.В.Синицын, М.Г.Мошкова, а в более позднее время — археологи Саратова, Волгограда, Астрахани, Элисты и Ростова-на-Дону. Широкомасштабные раскопки и скрупулезный анализ материалов позволили К.Ф.Смирнову создать фундаментальный труд «Савроматы», увидевший свет в 1964 г. Позднее многие вопросы истории и культуры савроматов исследовались в статьях и книгах М.Г.Мошковой, Е.К.Максимова, И.П.Засецкой, А.Х.Пшеничнюка, Б.Ф.Железчикова, В.Е.Максименко и многих других ученых. Однако, несмотря на весьма обширную литературу, посвященную савроматам, вопросов, стоящих перед исследователями, куда больше, чем ответов, данных на них. Обратимся к основным проблемам в изучении племен, живших в Волго-Донских степях в VI — IV вв. до н. э., и посмотрим, как они освещаются в современной научной литературе.

Еще в XIX в. усилиями лингвистов были установлены ираноязычность савроматов и их родство со скифами. Начиная с этого времени савромато-сарматская археология самым тесным образом связана со скифской, а позднее наметилось и другое направление связей — восточное — памятники саков Средней Азии, древности скифского времени Алтая, Тувы и Западной Сибири. В этих районах археологами были открыты подкурганные погребения, поразительно близкие по найденным в них вещам скифским захоронениям. Современная археология рассматривает савроматов как часть так называемого скифско-сибирского мира — громадного количества кочевых племен, обитавших в степной и лесостепной зонах Евразии. Следовательно, практически все проблемы, стоящие перед исследователями, изучающими культуру этих кочевых племен, актуальны и для савромато-сарматской археологии.

Одной из важнейших таких проблем является вопрос о происхождении савроматов. Письменная традиция упорно связывает происхождение савроматов со скифами. Наиболее раннюю версию приводит Геродот. По его сообщению, савроматы ведут свое начало от брака молодых скифов с легендарными женщинами-воительницами — амазонками. Другой древнегреческий историк Диодор, используя иные,

нежели Геродот, источники, приводит свою версию происхождения савроматов. Рассказывая о походах скифов на Ближний Восток, он упоминает о переселении ими из Мидии племени савроматов, которое они поселили на Танаисе, около Меотиды. Несмотря на различие этих двух легенд, их связывает одно — происхождение савроматов непосредственно связано со скифами, причем по обеим версиям савроматы появляются на исторической арене позже скифов. Таким образом, савроматов можно считать младшей родственной ветвью скифов, довольно рано отделившейся от них. Кроме того, по словам Геродота, савроматы разговаривали на скифском языке, но издревле искаженном. Косвенным свидетельством этого родства может считаться тот факт, что савроматы были одними из немногочисленных союзников скифов в их борьбе с персидским войском Дария I.

Далеко не ясен вопрос о расселении савроматов, тесно связанный с проблемой их происхождения, хотя, кажется, все античные авторы помещают их восточнее Танаиса и в приазовских степях. Но в этой локализации отсутствуют надежные географические ориентиры и, кроме того, имеются неточности и противоречия. Во-первых, у Геродота имеется два сообщения о территории обитания савроматов: на три дня пути от Меотиды и на пятнадцать дней. Возможно, во втором случае речь идет о всей земле, принадлежавшей савроматам, а в первом — о каком-то конкретном пункте, например центре племенного объединения. Во-вторых, что понимать под Танаисом, являвшимся западной границей савроматской территории? По этому поводу среди исследователей существует два мнения — под Танаисом понимается Дон во всем его течении или только низовья Дона и Северский Донец. Большинство ученых придерживается первой точки зрения, хотя следует заметить, что в науке численный перевес — не критерий истины. Она выявляется фактами. В данном случае прояснить картину может только археология.

Принято считать, что основой для формирования савроматской археологической культуры служили культуры позднего бронзового века — срубная в Поволжье и андроновская в Приуралье. Это мнение было высказано К.Ф.Смирновым и поддержано многими другими исследователями, оно остается справедливым и по сей день. Однако развитие знаний об эпохе бронзы, основанное на изучении многократно увеличившегося археологического материала, позволяет откорректировать эту точку зрения. Как уже ранее говорилось, савроматской культуре в Волго-Донских степях предшествовали памятники, входящие в круг предскифских культур (или культуры) IX — VII вв. до н. э. Некоторые из них относятся к памятникам черногоровского типа, другие — к новочеркасской культурной группе, большинство же из-за скудости

вещевого материала вообще не поддается этнокультурной атрибуции. Ни по погребальному обряду, ни по материальной культуре они не составляют какого-либо культурного единства. Если их генетическое родство со срубной культурой Нижнего Поволжья не вызывает сомнений, то ответ на вопрос о роли племен предскифской эпохи в сложении культуры савроматов различен. Если у первых практически полностью отсутствует обычай насыпать курганы над могилами своих умерших — абсолютное большинство погребений впускные в более древние курганы, то у савроматов основная масса захоронений совершена под индивидуальными насыпями. В предскифскую эпоху весьма часто фиксируется скорченное на боку положение умерших, хотя есть и вытянутое на спине. Первое — сохранение традиций эпохи бронзы, второе — новая черта в погребальном обряде, которая с меридиональной ориентировкой погребенных доминирует у савроматов. Правда, точно не выяснено, появилась ли она у савроматов в результате культурного воздействия предскифских племен или это самостоятельное явление. Скорченное положение скелетов в савроматских погребениях отмечено в единичных случаях, как правило, в детских захоронениях. В материальной культуре сходство предскифских и савроматских памятников проявляется лишь в некоторых типах глиняной посуды. В целом же весь комплекс савроматской археологической культуры практически не имеет корней в культуре предшествующего времени (рис. 6). В первую очередь это относится к так называемой «скифской триаде», которую составляют предметы вооружения, конская узда и искусство «звериного стиля». Она была присуща всем культурам скифского круга, от Дуная до Монголии, в том числе и савроматской. Это довольно специфический набор вещей, который выделяет скифские культуры из ряда других. Предметы вооружения представлены короткими мечами-акинаками, бронзовыми, реже железными или костяными, двух- либо трехлопастными наконечниками стрел, часто снабженных еще боковым шипом, наконечниками копий и защитным снаряжением — шлемами и наборными панцирями из металлических пластин. Все эти вещи, за исключением, может быть, некоторых типов наконечников стрел, не имеют прототипов в предскифскую эпоху (рис. 7). В отношении конской узды для Северного Причерноморья можно наметить линию преемственности от предскифского периода к раннескифскому времени. В первую очередь это касается форм удила и псалиев. Но в целом, скифская узда представляет собой новое явление, прогрессивную линию развития конского снаряжения. В Нижнем Поволжье такая преемственность с уздой IX — VII вв. до н. э. практически не прослеживается — здесь савроматская узда появляется во вполне сформированном виде и выглядит определенным новшеством для поволжских

степей. И уж безусловной новацией не только для Поволжья, но и для всех евразийских степей является искусство «звериного стиля». Это очень своеобразное, сугубо прикладное, строго канонизированное искусство, когда изображались определенного вида животные: хищники, травоядные, хищные птицы, реже рыбы и змеи, фантастические существа — грифоны. Наиболее популярными мотивами были изображения свернувшегося в кольцо или припавшего к земле хищника кошачьей породы, оленя в «летающей позе» или привставшего «на цыпочки», сцены борьбы и терзания животных. В этом искусстве нет места статичности, фигурки зверей полны экспрессии, движения. Вопрос о происхождении «звериного стиля» разными специалистами решается по-разному: одни видят его истоки в прикладном искусстве племен карасукской культуры Западной Сибири и Монголии; другие находят его корни в искусстве стран Ближнего Востока — Ассирии, Урарту, Вавилонии; третьи считают его новообразованием, не имевшим подосновы в предшествующую эпоху и каких-либо образцов для подражания в соседних регионах. Как бы то ни было, но в раннескифское время (VII — VI вв. до н. э.) влияние ближневосточного искусства на скифское очень ощутимо. Вещи, выполненные в ассирийском, урартском стилях найдены в Мельгуновском кургане в Приднепровье, в Келермесских, Костромских и Ульских курганах на Северном Кавказе. Появление их в степных районах — по всей вероятности, результат переднеазиатских походов скифов. В скифо-сибирском искусстве «звериного стиля» искусствоведами и археологами на основе стилистических особенностей выделено несколько его вариантов или разновидностей: искусство кочевников Алтая, Тувы и Западной Сибири; искусство саков Средней Азии, скифов Северного Причерноморья. В отдельный вариант выделяется и «звериный стиль» савроматов.

В Нижнем Поволжье для «звериного стиля» савроматов полностью отсутствуют какие-либо прототипы. Единственный предмет, представляющий искусство предскифской эпохи поволжских степей, — резной роговой стержень из Барановки — выполнен в геометрическом стиле, типичном для киммерийского искусства, которое исчезает с появлением скифской культуры. Таким образом, невольно напрашивается вывод, что племена, населявшие Волго-Донские степи в IX — VII вв. до н. э., если и принимали участие в формировании культурного комплекса савроматов, то их роль в этом была очень незначительной (рис.8).

Что же представляет собой савроматская археологическая культура и каковы ее географические и хронологические границы? Почти единственным видом памятников, составляющих савроматскую археологическую культуру, являются подкурганные захоронения. Несмотря на активные поиски, до сих пор не найдено ни одного поселения, да их,

видимо, просто и не существовало. Такая картина хорошо согласуется с сообщениями античных авторов, рисующих савроматов как кочевников. Те же немногочисленные находки в песках Калмыкии и Северного Прикаспия, которые ранее было принято считать следами поселений, скорее всего, являются остатками развеянных погребений, хотя не исключено, что в тех районах находились зимники савроматов и обломки керамики, находимые там, возможно, отмечают места их стойбищ. Но такие кратковременные стоянки оставляют после себя очень слабые следы и обнаружить их практически невозможно. Именно по этой причине единственным видом археологических источников, позволяющих нам изучать савроматское общество, являются погребальные памятники.

Могильные ямы савроматского времени в Нижнем Поволжье, как правило, очень просты — прямоугольной формы, сверху часто перекрывались досками или накатником из бревен, а в самой могиле иногда устанавливались вертикальные столбы, поддерживающие перекрытие. Погребенных укладывали в могилы в вытянутом положении на спине, головой на запад, реже на восток, при этом часто применялся огненный ритуал — рядом с могилой или на ее перекрытии разводился костер, нередко углями засыпалась могильная яма. При возведении насыпи иногда использовался камень, такие случаи отмечены в курганах у с. Горная Пролейка, в Аксеновском и Дорофеевском могильниках. Вместе с покойником в могилу помещалась жертвенная пища — обезглавленные туши баранов, кости лошади, коров, реже диких животных, рыб или птиц, полностью отсутствуют среди находок кости свиньи. Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует в пользу кочевой формы скотоводства у савроматов, основу которого составляло овцеводство и коневодство, в меньшей степени — разведение крупного рогатого скота.

Материальная культура кочевых племен Нижнего Поволжья VI — IV вв. до н. э. полностью вписывается в круг «скифских» культур Евразии, обладая, впрочем, и достаточным своеобразием. Гончарное дело, судя по имеющимся данным, у савроматов существовало на уровне домашнего ремесла. Вся глиняная посуда была вылеплена вручную и обжигалась просто в костре, а те немногочисленные образцы гончарной керамики, найденные в Волго-Донских степях, являются импортами из античных и северокавказских производственных центров. Савроматская посуда довольно разнообразна по своим формам, размерам и, видимо, предназначалась для различных целей. Некоторые сосуды предназначались специально для погребений, так как изготовлены были очень грубо и не могли быть использованы для хозяйственных нужд. Орнаментация савроматской керамики довольно проста, а большое

количество горшков вообще ее лишено. Правда, имеется несколько сосудов, где орнаментированные композиции очень сложны и представляют собой пиктограммы. Металлическая посуда в савроматских памятниках встречается крайне редко и, как правило, в богатых погребениях знати. Так, бронзовые котлы известны из сел Заплавного, Рахинки, Черноярского района Астраханской области. Особенно интересен котелок из Рахинки, на котором помещено изображение лежащего оленя.

Предметы вооружения савроматской культуры весьма близки скифским. Бронзовые наконечники стрел в своей основной массе не отличаются от скифских, но, как показали данные спектрального анализа, в отличие от них савроматские наконечники изготовлены из металла уральских месторождений. Так же как и скифы, савроматские воины были вооружены короткими мечами-акинаками, но у них раньше и в большем количестве появляются длинные мечи, предназначенные для рубки с коня. В савроматских курганах гораздо реже, чем в скифских, находят наконечники копий и защитное вооружение. Одно из таких погребений было раскопано в Никольском могильнике в Астраханской области. Конская узда принципиально не отличается от скифской, но оформление ее менее роскошное, чем у скифов. Искусство савроматов, так же как и у других племен скифо-сакского круга, носит прикладной характер, но галерея образов его несколько иная, что и выделяет его в особый вариант «скифо-сибирского звериного стиля». Очень популярны изображения хищной птицы, или грифона, свернувшегося в кольцо волка, медведя с оскаленной пастью. Искусство нижневолжских племен отличает резьба по кости, особенно великолепны резные кабаньи клыки, на которых очень искусно совмещаются и причудливо переплетаются тела различных животных.

Такова в самых общих чертах характеристика савроматской археологической культуры, основные детали которой были выделены еще в 20-х годах П.Д.Рау. На основе параллелей со скифскими древностями, используя немногочисленные античные импорты, савроматскую культуру исследователи датируют в пределах VI — IV вв. до н. э.

Вернемся снова к сообщению Геродота о расселении савроматов и обратимся к вопросу, без которого не обходится ни одно серьезное исследование по истории этих племен. Геродот, а вслед за ним и другие авторы называют лишь западную границу территории их обитания — реку Танаис. Остальные границы были им неизвестны. Как известно, владения савроматов простирались на 15 дней пути от угла Меотиды. Геродот пользовался ионийской системой мер длины, по которой день пути равнялся 37,8 км. Соответственно 15 дней — около 600 км. Если отложить это расстояние от устья Дона, то граница территории пройдет

между современными Волгоградом и Саратовом в районе Камышина. Археологические данные довольно точно подтверждают эти подсчеты — савроматские курганы известны в бассейне Иловли, вплоть до ее верховьев. Остальные границы савроматских владений древним географам не были известны. Археологические же памятники савроматов в Заволжье распространены очень широко, они исследованы вплоть до р. Самары и далее на восток — в южноуральских степях. Но ни Геродот, ни более поздние авторы не помещали савроматов столь далеко от Танаиса, да они и не знали этих мест. В связи с этим в археологической литературе уже давно обсуждается проблема — кем были оставлены эти памятники? Письменные источники, как уже отмечалось, определенного ответа на этот вопрос не дают. Археологические данные свидетельствуют о некоторых различиях между поволжскими и приуральскими массивами погребений VI — IV вв. до н. э. Так, могильные конструкции южноуральских курганов более разнообразны по сравнению с поволжскими — здесь имеются дромосные могилы, катакомбы и подбои. Над могилой часто возводилось сложное деревянное сооружение в виде шатра. Гораздо чаще, чем в Нижнем Поволжье, в Приуралье при сооружении кургана использовался камень. Огненный ритуал в погребальном обряде у южноуральских кочевников выражен более ярко. Он проявляется в разведении костра над могилой, сожжении надмогильных конструкций и трупосожжениях. Последнее в Волго-Донских степях отмечается лишь единично. Раньше, чем в Поволжье, в приуральских степях появляется обычай класть умершего в могиле по диагонали ямы. Имеются отличия и в материальной культуре. Так, приуральская керамика отличается большим разнообразием форм и богатством орнаментации. Некоторые особенности наблюдаются в предметах вооружения и конской узда. Пожалуй, наибольшие различия наблюдаются в искусстве. По мнению специалистов, «звериный стиль» приуральских кочевников в своих художественных традициях тяготеет к искусству саков Приаралья, племен Алтая и Монголии, а савроматов Поволжья и Подонья — к скифскому искусству. Особенно показателен в этом отношении комплекс бронзовых вещей, найденный в селе Хошеутово Астраханской области. Он состоит из блях, удилов, псалиев и других принадлежностей конской узды, выполненных в «зверином стиле». В его состав наряду с типично савроматскими изделиями входят псалии и бляхи в виде головы грифона, изготовленные в скифской манере, и даже зооморфные бляхи, близкие по своему стилю к фракийским. Различие между южноуральскими и поволжскими памятниками проявляется и еще в одной своеобразной категории находок — каменных жертвенниках. Они характерны для так называемых погребений «жриц». До 70-х годов в Поволжье они были практически

неизвестны, а наличие их в Приуралье считалось специфической особенностью этого региона. После находок нескольких жертвенников в урочище Кривая Лука и на Маныче это различие было сглажено, но типологически приуральские и поволжские жертвенники отличаются друг от друга. Первые — прямоугольной формы, на ножках, часто оформленных в «зверином стиле», вторые — в виде овальных блюд, очень схожие со скифскими жертвенниками. Таким образом, в культуре кочевников Южного Приуралья и Волго-Донских степей есть как общие черты, так и отличительные особенности. В свое время это позволило К.Ф.Смирнову объединить приуральские и поволжские памятники в одну археологическую культуру, названную им савроматской. В ее рамках он выделил два варианта — самаро-уральский и доноповолжский, причем оба они внутренне неоднородны, что, видимо, является отражением племенного деления кочевых объединений. Собственно савроматами Геродота К.Ф.Смирнов отождествлял лишь памятники Волго-Донских степей, в Приуралье же он размещал кочевые племена дахо-массагетского круга. Возможно, что именно савроматы Геродота упоминаются в священной книге древних иранцев Авесте под именем «сайрима». Интересно и то, что эти два региона имеют разные направления культурно-экономических связей. Приуральские кочевники ориентировались на ремесленные центры Средней Азии, откуда к ним поступала керамическая посуда, бусы и другие украшения, предметы обихода. В политическом отношении они, вероятно, были тесно связаны с крупнейшим государством Древнего Востока — Ахеменидским Ираном. Об этом свидетельствуют находки на Южном Урале металлической посуды, сосудов из финикийского стекла, бронзовых зеркал, золотых украшений и самшитовых гребней. Особенно выделяются один из курганов Ново-Кумакского могильника под Орском, где были найдены золотая гривна, ритон, алебастровый флакон с египетской иероглифической надписью, прочие вещи; и клад у с.Долинное (Уральская область), в состав которого входили серебряный ритон, золотой перстень, серебряная с позолотой гривна и золотые пластины от деревянного сосуда. Возможно, что эти дорогие вещи являлись дарами предводителям приуральских кочевников, с помощью которых Ахемениды пытались втянуть их в сферу своего влияния.

В отличие от южноуральских племен кочевники Волго-Донских степей ориентировались на греческие государства Северного Причерноморья и производственные центры Кавказа. Об этом свидетельствуют находки античных бус и керамики в савроматских курганах Нижнего Поволжья. Так, в одном из погребений курганной группы Кривая Лука в Астраханской области были обнаружены гераклеяская амфора и чернолаковая чашечка. Ранее уже упоминалось о находке в Николь-

ском могильнике бронзового античного шлема. А в богатом погребении могильника Сазонкин бугор наряду с другими украшениями были найдены золотые серьги с фигурками всадников, сидящих на лошадях, запряженных в колесницы. По мнению исследователей, эти серьги изготовлены на Кавказе, а точнее, на территории современной Грузии. Влияние античного мира ощущалось далеко от его окраин. В этом отношении интересно сообщение Геродота о существовании торгового пути из Ольвии на Восток, к подножию Рифейских гор (возможно, Урала). Археологическим подтверждением этого рассказа являются находки бронзовых зеркал так называемого ольвийского типа. Они обнаружены в междуречье Волги и Дона, на Средней Волге, в Прикамье и на Южном Урале.

Итак, подводя итог нашему обзору культуры савроматов, можно сделать некоторые выводы, многие из которых будут носить гипотетический характер.

Самые ранние савроматские памятники датируются VI в. до н. э. Вопрос о генетической связи савроматской культуры с культурой племен предскифской эпохи весьма проблематичен, хотя определенная, правда, очень зыбкая, линия преемственности прослеживается. Пожалуй, более реальным является подход к савроматам как к одному из подразделений скифского объединения, отколовшегося от него после возвращения из ближневосточных походов и осевшего в степях за Танаисом. Об этом свидетельствует письменная традиция, упорно связывающая происхождение савроматов со скифами. Археологические данные, кажется, подтверждают письменные источники. Раннескифские и раннесавроматские памятники практически неразличимы. В качестве примера можно привести погребение на Константиновском поселении близ Ростова-на-Дону. Одни исследователи считают его скифским, другие — савроматским. Интересно, что погребальный обряд скифов со временем эволюционировал, появились сложные могильные конструкции, а погребальные традиции савроматов оказались довольно консервативны и практически не изменились за все время существования савроматской культуры.

Савроматская археологическая культура охватывала Волго-Донские степи и Южное Приуралье, но собственно савроматскими принято считать курганы Поволжья, или даже только памятники междуречья Волги и Дона. В смысле этнокультурной атрибуции заволжских и приуральских погребений довольно интересно упоминание Геродотом скифов-отщепенцев, освободившихся из-под ига скифов-царских и живущих где-то далеко за Танаисом. Не исключено, что это сообщение каким-то образом связано с племенами, обитавшими в степях восточнее Волги.

Археологические источники вполне определенно свидетельствуют о кочевом образе жизни савроматов, при этом основу хозяйства составляло скотоводство с преобладанием овцеводства и коневодства.

По современным данным, савроматская археологическая культура в Поволжье прекращает свое существование в середине IV в. до н. э. Она сменяется немногочисленными погребениями второй половины IV в. до н. э. раннесарматской (прохоровской) культуры. Замена одной археологической культуры другой знаменует окончание господства в Волго-Донских степях савроматов и выход на историческую арену сарматов. Сформировавшись в степях Южного Приуралья, в IV в. до н. э. сарматские племена начинают движение на запад и вторгаются в поволжские степи. К.Ф.Смирнов и М.Г.Мошкова не исключали вероятности завоевания савроматов Геродота, при этом какая-то их часть вошла в состав нового этнополитического объединения. Как бы то ни было, во второй половине IV в. до н. э. в Нижнем Поволжье начинается почти восьмисотлетняя эпоха господства сарматских племен.

САРМАТЫ

Сарматы — собирательное название, которым сперва древнегреческие, а затем древнеримские историки и географы называли различные племена, обитавшие первоначально к востоку от Дона, а затем занявшие обширные степные районы от Южного Приуралья до Дуная. Они являлись частью обширного кочевого мира, освоившего в первом тысячелетии до н. э. — в начале н. э. евразийские степи. Их образ жизни, характер хозяйства, культура во многом были близки северопричерноморским скифам, среднеазиатским сакам и массагетам, савроматам, а также усуням, юэчжам и хуннам.

Впервые в античной литературе достоверные сведения, имеющие отношение к сарматам, относятся к рубежу IV — III вв. до н. э. Древнегреческий естествоиспытатель Теофраст, повествуя о необычном животном таранде, которое меняло окраску и сочетало в себе черты нескольких видов, говорит о том, что оно, возможно, водилось в Сарматии. В данном случае речь шла о топонимическом названии некой области, которую трудно на основании данных Теофраста локализовать. Существует мнение, что название «Сарматия» упоминается уже в трудах Гераклида Понтийского, жившего в IV в. до н. э. Однако сами сочинения Гераклида до нашего времени не дошли, о них мы знаем из сообщений более поздних авторов, которые могли отразить реалии своего времени.

С достаточной точностью определить появление на исторической арене сарматов сложно. В мощную политическую силу, влияющую на исторические процессы в бассейне Черного моря, они превращаются во II в. до н. э. и продолжают таковой оставаться до середины III в. н. э., до прихода в Северное Причерноморье готов. Примерно через век многовековая история сарматов завершается окончательно в связи с вторжением гуннов, положивших начало новой эпохе в истории степных районов Юго-Восточной Европы.

Сарматы, также как и савроматы, относились к числу ираноязычных народов, которые в древности занимали значительно большую территорию, нежели занимают сейчас. На разных наречиях древнеиранского языка говорили многие кочевые народы Евразии от Черного моря до Алтая, большинство населения Средней Азии; ираноязычными были мидяне и персы, создавшие в I тыс. до н. э. мощные державы. В настоящее время трудно восстановить язык сарматов, хотя такие попытки в науке предпринимались. Сложность заключается в том, что единого сарматского языка, скорее всего, не существовало. Многие сарматские племена отличались своим происхождением и диалектны-

ми особенностями языка, причем эти различия могли быть существенными.

История сарматов восстанавливается учеными на основании двух видов источников: археологических памятников и письменных сочинений, в основном греческого и римского происхождения. История археологических исследований сарматских древностей насчитывает уже без малого 100 лет. В 1895 г. известный русский археолог А.А.Спицын произвел раскопки курганов на территории тогдашней Саратовской губернии у с.Машевки на реке Аркадак и на Иловле в районе Петрова Вала. Это были первые археологические раскопки в нашем крае, произведенные авторитетным специалистом, в отличие от имевших место раскопок в Нижнем Поволжье случайными людьми. Собственно, начать раскопки А.А.Спицына побудили находки древних вещей в этих местах, происходящие из раскопанных местным населением курганов. Подогреваемые различными легендами о запрятанных в курганах сокровищах, в раскопках принимали участие целые артели с одной целью — поживиться. Все это нанесло непоправимый ущерб науке.

Долгое время научные археологические раскопки в Нижнем Поволжье носили эпизодический характер. Наиболее планомерно они стали проводиться начиная с 20-х годов XX века. Возглавил эти работы профессор Саратовского университета П.С.Рыков. Им впервые был раскопан крупный памятник сарматского времени — Суловский курганный могильник, содержащий семьдесят насыпей и располагавшийся на реке Большой Караман. Сарматские памятники были исследованы П.С.Рыковым и его учениками на реке Иловле, в Заволжье и Калмыкии.

Значительный размах археологические исследования получили в послевоенное время, когда началось строительство Волго-Донского канала, Цимлянской и Волжской ГЭС. В местах строительства, особенно в зонах затопления, было обнаружено большое количество древних памятников, исследование которых выявило сотни погребений, принадлежащих сарматам. В 60-70-е годы наряду с экспедициями Института археологии АН СССР в раскопки включаются местные экспедиции, организуемые вузами и краеведческими музеями. В результате работы всех этих экспедиций накоплен огромный вещественный материал, хранящийся в областных и столичных музеях, который является ценным историческим источником, позволяющим реконструировать различные стороны жизни сарматов: экономические связи, характер хозяйства, религиозные представления, происхождение и социальную стратификацию сарматского общества.

Все же, как бы ни был информативен археологический материал, многие вопросы конкретной истории сарматов позволяют осветить только письменные источники. В древнегреческой литературе доволь-

но рано зарождается исторический жанр. Родоначальником исторической науки принято считать Геродота, который жил в V в. до н. э. Интерес, который был проявлен «отцом истории» к варварской периферии, стал своеобразной традицией и в сочинениях более поздних авторов. Древних греков не в последнюю очередь интересовало Северное Причерноморье, где располагались основанные ими в VI — V вв. до н. э. города-колонии, а также сопредельные территории, населенные различными народами скифского, меотского и сарматского происхождения.

Это население находилось в постоянных экономических и политических отношениях с греческими колониями, через которые многие произведенные ими товары попадали в греческие метрополии, расположенные на Балканском полуострове и малоазийском побережье. Если греки рассматривали варварское население Юго-Восточной Европы в большей мере как возможных партнеров в торговле, то в римскую эпоху на первое место выступают политические взаимоотношения. Древнеримские историки, унаследовавшие богатые традиции греческой исторической науки, уделяли много внимания этому району в своих сочинениях, особенно начиная с I в. до н. э., когда Римская держава активизировала свои действия на Востоке и бассейн Черного моря стал входить в сферу ее интересов. К этому времени относится появление новых оригинальных сведений о населении Северного Причерноморья и территории, расположенной к северу от Кавказа и Каспийского моря, в первую очередь о сарматах. В дальнейшем римские историки постоянно обращались к описанию различных событий, происходивших в этих краях, вплоть до вторжения тюркоязычных народов, начало которому положили гунны. Из числа наиболее значимых авторов греческого и римского происхождения той эпохи, описавших те или иные эпизоды из истории сарматов, следует назвать Страбона, Помпония Мелу, Плиния Старшего, Тацита, Птолемея, Аммиана Марцеллина.

Письменные сочинения древних авторов, бесспорно, являются очень ценными источниками по освещению многих страниц истории сарматов, которые не могут быть воссоставлены по археологическим данным. Однако следует иметь в виду, что и они грешат многими недостатками. Значительная часть трудов античных авторов дошла до нашего времени во фрагментарном состоянии, о некоторых сочинениях мы узнаем из сообщений других более поздних авторов. Широкое распространение компиляции в работах античных историков часто затрудняет установление времени различных частей в их сочинениях. Сложно бывает установить и место описываемых событий в связи с возникающими трудностями в отождествлении древних географиче-

ских названий с современными. Поэтому письменные источники, также как и археологические, должны подвергаться тщательному анализу, прежде чем быть использованными в реконструкции истории сарматов.

Происхождение сарматов — сложная проблема в исторической науке. Это обусловлено скудостью источников по этому вопросу, в первую очередь письменных, и неоднозначностью толкования исследователями археологических данных. В научной исторической литературе широко распространено мнение о генетическом родстве сарматов с савроматами, что, казалось, подтверждается и сходством названий двух народов, а также и тем, что сарматы появляются позже савроматов на тех же землях, где раньше жили савроматы. Это мнение опирается на достаточно выраженную традицию в письменных источниках отождествлять сарматов с савроматами. Так, например, Диодор Сицилийский, живший в I в. до н. э., повествуя о несколько более ранних событиях, писал о савроматах: «Эти последние, много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Однако как из археологических, так и ряда других письменных источников известно, что Скифия была освоена сарматами, когда савроматы уже практически сошли с исторической арены.

Гипотеза о зависимом происхождении сарматов от савроматов была тщательно проработана и на археологическом материале. Усилиями ряда исследователей была выделена савроматская археологическая культура, которая занимала огромную территорию к востоку от Дона, включая Нижнее и частично Среднее Поволжье, Западный Казахстан и Южное Приуралье. На всей этой территории археологические памятники, представленные подкурганскими погребениями, во многом были сходны между собой: рядом черт погребального обряда, типами оружия, глиняной посуды, конской упряжи и другими деталями, — все это создавало впечатление об этнической близости населения, оставившего эти памятники. Однако такая картина, нарисованная исключительно на археологических данных, не совпадала с совокупностью письменных свидетельств, по которым местонахождение земли савроматов обычно привязывалось преимущественно к западным географическим ориентирам вышеочерченной территории — к Меотиде (бассейн Азовского моря) и Танаису (Дон). Таким образом, выходило, что такие понятия, как «савроматская археологическая культура» и собственно «савроматы» как конкретный народ, являлись не одним и тем же, более того, они существенно различались между собой. Сейчас становится все более очевидным, что савроматская археологическая культура скрывала под собой ряд народов — кроме собственно савроматов, дахов,

возможно, исседонов, племена сако-массагетского круга. В данном случае в названии культуры была допущена методическая ошибка, она заключается в том, что в связи с неустоявшимся в науке содержательным определением археологической культуры не следует ей давать название с явным этническим оттенком. Это вносит путаницу в реконструкцию древней истории народов, в том числе савроматов и сарматов. Савроматам часто приписывались те черты материальной культуры, которые были выявлены на южноуральском археологическом материале, хотя савроматы, исходя из письменных источников, никогда в этом районе не обитали. А открытые в Южном Приуралье наиболее ранние сарматские памятники своим происхождением ставились в зависимость от савроматской культуры, что якобы определяло и генетическую преемственность сарматов и савроматов.

Археологические исследования дают основания утверждать, что древнейшим районом начала формирования сарматской культуры являются районы Южного Приуралья и степного Зауралья. Именно здесь были выявлены наиболее ранние памятники одной из первых сарматских культур, получившей название «прохоровской» по раскопанным в начале нашего века курганам у с. Прохоровки Оренбургской губернии.

Прохоровскую культуру принято называть раннесарматской, она складывается окончательно в Южном Приуралье в IV в. до н. э. (рис. 9). В этом же веке происходит переселение, вероятно, части южноуральского населения на запад, которое не позже его середины достигает Дона. Именно к этому времени относится появление на Нижнем Дону подкурганных погребений, по находкам в них и обряду близких южноуральским аналогичным памятникам. К IV в. до н. э. относится упоминание в этих краях античными авторами Евдоксом Книдским (370 — 365 гг. до н. э.) и Псевдо-Скилаком (338 г. до н. э.) о новом населении по имени сирматы. В практическом навигационном руководстве по Черному морю Псевдо-Скилака даются некоторые сведения о его побережном населении. Описание северного берега у него идет с запада на восток. В Европе между скифами и Танаисом (Доном) Псевдо-Скилак помещает сирматов, за Танаисом в Азии первыми он называет прежнее население — савроматов. Из этой краткой информации вытекают два важных положения: сирматы на фоне живущих здесь ранее скифов и савроматов предстают новым народом; сирматы не являются частью савроматов или их потомками, так как земли их четко разграничиваются, и они сосуществуют в одно и то же время.

С конца IV в. до н. э. начинается постепенный упадок некогда могущественной Скифии, достигнув убедительных успехов при долгом правлении царя Атея, после его смерти, последовавшей в 339 г. до н. э.,

Великая Скифия теряет ряд областей и в начале III в. до н. э. прекращает свое существование. Степи Северного Причерноморья, занятые ранее скифами, пустеют. Возможно, что сирматы, наряду с другими причинами, являлись одним из факторов ослабления Скифии. Однако определить, насколько была велика их роль в этих событиях, трудно, источники нам не дают практически никаких данных на этот счет. Скорее всего, в качестве основного места своего обитания они использовали Дон, что, в общем, не исключало возможности их набегов на скифов в отличие от савроматов, которые со скифами поддерживали дружественные отношения.

Вслед за этими событиями в письменных источниках появляется название по соседству со скифами области Сарматия, впервые достоверно зафиксированное, как уже отмечалось, в труде Теофраста. Новая ситуация, сложившаяся в Подонье в IV — начале III вв. до н. э., вероятно, была обусловлена взаимосвязанными событиями: появлением сирматов, а вслед за ними топонима «Сарматия» и этнонима «сарматы». Сходство археологических памятников, сопоставляемых с сирматами, с южноуральскими погребальными комплексами, указывает на Южное Приуралье как на вероятную родину сирматов. Там же складывается и раннесарматская культура. Сирматы ушли из этих мест, видимо, до завершения процесса становления раннесарматской культуры, поскольку в их памятниках содержатся только отдельные элементы раннесарматской культуры. Таким образом, сирматы и ранние сарматы являлись, скорее всего, выходцами из одного или, по крайней мере, близрасположенных районов. Так или иначе, все же преемственность между сарматами и сирматами имела место в большей степени, чем между сарматами и савроматами.

С последних веков до н. э. этноним «сарматы» занимает господствующее положение среди других названий кочевых народов восточно-европейских степей. Ранняя история сарматов известна мало. На западной периферии своего обитания они вплоть до II в. до н. э. себя особенно ничем не проявили. Большая активность их отмечалась в событиях, имеющих отношение к Средней Азии и Ирану. Наибольшую роль здесь играли даи, которые, по всей видимости, приняли участие в формировании раннесарматской культуры. Наиболее подробные сведения о них дает древнегреческий географ Страбон. Он помещает даев на северо-восточном побережье Каспийского моря. Есть мнение, что более раннее название реки Урал — Яик — происходит от названия народа даи и могло звучать как Даик. Следует отметить, что в бассейне реки Урал исследовано достаточно много очень ярких раннесарматских памятников, свидетельствующих о том, что здесь обитала достаточно мощная сарматская группировка. Археологами недавно было открыто уникаль-

ное святилище на плато Устюрт в местечке Байте, где впервые обнаружено большое число каменных скульптур воинов с традиционно раннесарматским вооружением. Этот комплекс также мог принадлежать даям.

В степях Поволжья и Подонья в IV — III вв. до н. э. ситуация была относительно спокойной. Значительные пространства этих районов вполне удовлетворяли живших здесь кочевников. Археологические исследования показывают, что в это время здесь не существовало той ситуации, которая приводит к избыточности населения, когда природные ресурсы не могут удовлетворять потребности возрастающего населения, практиковавшего тогда экстенсивное скотоводство. Памятников указанного времени здесь открыто немного, они не составляют компактных могильников, а разбросаны по различным курганным группам.

Ситуация меняется со II в. до н. э., кочевое население Нижнего Поволжья начинает резко увеличиваться, о чем свидетельствует появление крупных курганных могильников с погребениями II — I вв. до н. э. в Заволжских районах Саратовской и Волгоградской областей, а также в междуречье Волги и Дона.

В истории взаимосвязь событий — обычное явление, зачастую изменения, происходящие в одном из регионов, оказывали существенное влияние на характер исторических процессов довольно отдаленных районов. История такой обширной области, как степные пространства Евразии, полна подобными примерами. В разное время отдельные ее места по тем или иным причинам превращались в своеобразные генераторы миграций народов, приводившие к существенным изменениям этнической картины на обширной территории. Более или менее четкие представления мы имеем об интенсивных миграциях, начиная с вторжения гуннов в Восточную Европу во второй половине IV в. н. э. и серии последующих передвижений тюркоязычных народов, вплоть до монгольского нашествия. Однако и раньше, в догуннское время близкие ситуации в истории Евразии имели место, охватывая и поволжско-донские степи.

Относительная стабильность скифского мира начинает нарушаться с III в. до н. э. Грядущие изменения сложившихся отношений зарождаются на востоке, далеко от Поволжья и Подонья. К северу от Китая обитали различные народы, среди которых со временем ведущее положение занимают хунны. История Китая насыщена событиями ожесточенных войн с ними. В IV — III вв. до н. э. китайские императоры строят ставшую знаменитой Великую Китайскую стену, которая должна была защитить их государство от вторжения кочевников. Кроме постоянного соперничества с Китаем, хунны одерживают ряд побед над другими

соседними народами и расширяют свою территорию к западу и северу. Наибольшую активность в этом направлении хунны развивают с конца III — II вв. до н. э. Эти события были описаны китайскими историками Сотма Цянем и Бань Гу. Хуннская экспансия на востоке, таким образом, вынуждает ряд народов к передвижению на запад. Эти передвижения приобретают характер цепной реакции, или, по образному выражению одного из исследователей данной проблемы, «эффекта падающего домино», когда военная активность и передвижение одного народа приводит в движение другие.

В целом же, вероятно, начавшиеся с конца III — первой половины II вв. до н. э. миграции были более крупномасштабными, нежели описанные в китайских источниках. Они охватили значительную часть евразийского степного коридора. Об этом, в частности, дают представление археологические источники, фиксирующие значительные изменения в характере развития культур. Классические скифские традиции угасают, на смену им приходят новые культурные элементы явно восточного происхождения. Это сказалось на изменении типов оружия, конской упряжи, в появлении новых традиций в искусстве, в погребальной обрядности. Эти события знаменовали собой завершение скифской и начало новой эпохи в истории евразийских степей, применительно к Сибири, получившей название гунно-сарматской. Для степного района Восточной Европы новую эпоху можно назвать сарматской, так как именно с этого времени сарматы превращаются здесь в ведущую политическую силу. Это обстоятельство в определенной мере было обусловлено уходом с политической арены Великой Скифии, после чего у сарматов не оказалось более или менее серьезного соперника и они занимают огромную территорию вплоть до Дуная.

Увеличение кочевого населения со II в. до н. э. в Поволжье и Подонье происходило в первую очередь за счет переселения ряда народов, которые раньше обитали гораздо восточнее этих мест. Об этом свидетельствуют не только данные археологии, но и письменные источники. В сочинениях античных авторов наряду с общим названием сарматы начинают упоминаться новые названия народов, ранее здесь не известных: сираки, аорсы, роксоланы и другие. Впервые новые реалии для Прикаспия, Северного Кавказа и Причерноморья нашли отражение в труде известного географа Страбона, жившего на рубеже нашей эры, который широко использовал данные историков II — I вв. до н. э. Автор I в. н. э. Плиний Старший отмечал, что сарматы «разделяются на многие племена». Он приводит интересные сведения о переходе через Дон различных племен, названия которых встречаются впервые: сатархеи, кароны, нерипы, агандеи, гертихеи, спондолики, сигниты, анасы, иссы, катееты, тагоры, меиндареи, сатархеи-спалеи. Это событие,

скорее всего, относится ко II в. до н. э., и речь в этом отрывке Плиния идет о переселении многих народов с востока на запад. В вышеприведенном перечне народов особый интерес представляют сатархеи. Независимый от Плиния эпиграфический источник упоминает этот народ под именем сатархов в Крыму в конце II в. до н. э. Сатархи были известны и в Средней Азии, о них сообщает Солин. Средняя Азия, Дон, Крым — это те пункты, которые отметили продвижение сатархов на запад. Вероятно, тот же путь прошли тагоры. По мнению ряда исследователей, они могут быть сопоставлены с известными тохарами, которые, по данным Страбона и Помпея Трога, приняли активное участие в передвижении народов в Средней Азии и разгроме в середине II в. до н. э. Греко-Бактрии. О реальности этих событий говорит и то, что затем одна из областей Средней Азии получает название Тохаристана. Возможно, тагоры являлись каким-то подразделением тохаров, продвигнувшихся во II в. до н. э. далеко на запад через Волгу и Дон к Северному Причерноморью. Значительная часть пришельцев являлась, скорее всего, выходцами из народов, называемых в источниках «азиатскими скифами». В представлении античных географов они занимали обширную территорию, простиравшуюся от Волги и Каспия до Индии и Китая. Отдельные из вновь прибывших в восточноевропейские степи народов раньше обитали в восточной периферии этой области. Появление их на территории Сарматии в дальнейшем способствовало тому, что античные историки стали включать их в число сарматских народов.

Эти события во многом изменяют ситуацию в Восточной Европе. Нижнее Поволжье и междуречье Волги и Дона, со времени Птолемея получившие название Азиатская Сарматия, становятся основным районом, из которого в течение длительного времени организуется и направляется сарматская экспансия. Отсюда различные сарматские подразделения устремляются на юг к Кавказу и на запад в Северное Причерноморье. Со II в. до н. э. ощущается значительное увеличение кочевого населения на Кубани и в других районах Северного Кавказа. Видимо, появление здесь новых сарматских группировок не всегда носило мирный характер, о чем свидетельствует гибель ряда поселений Тамани, приходящаяся на II в. до н. э.

Особой проблемой являются взаимоотношения сарматов со Скифией. Письменные источники содержат мало информации на этот счет. Диодор Сицилийский писал о поголовном истреблении скифов сарматами. Ко времени утверждения сарматов в Скифии исследователи относят рассказ Полиена об отважной царице Амаге, жене сарматского царя Медосакка, который предпочитал пьянство военной доблести. Всеми делами Амага занималась сама, она нинила суд, отражала набеги врагов и помогала соседям. Она оказала помощь городу Херсонесу,

жители которого обратились к ней с жалобой на скифов, постоянно совершавших набеги на их земли. Когда предупреждение на скифов не подействовало, Амага отобрала 120 лучших своих воинов, каждому дала по три коня, и, проскакав за сутки более 200 километров, внезапно напала на скифов. Убив их царя, она передала власть над скифами его сыну, наказав править справедливо и не трогать соседей. Однако этот эпизод отразил отношения между сарматами и скифами Крыма, когда Великая Степная Скифия прекратила свое существование и сарматы уже находились на ее территории.

Возможно, одной из ударных группировок сарматов, начавших осваивать Скифию, были саи во главе с царем Сайтафарном. Название этого народа и его царя упоминается в ольвийском декрете в честь Протогена, относящемся к началу II в. до н. э. Жители Ольвии, расположенной на берегу Днепро-Бугского лимана, таким образом отблагодарили своего гражданина Протогена, который помог несколько раз выплатить дань, накладываемую Сайтафарном на город. Из контекста декрета видно, что саи не были постоянными соседями Ольвии и появлялись у стен города откуда-то неожиданно.

Археологические данные по этой проблеме несколько расходятся с письменными источниками. Многочисленными раскопками, исключая случайность, выявлено, что скифские курганные погребения, основные памятники скифской культуры Северного Причерноморья, исчезают в начале III в. до н. э. А сарматские памятники здесь появляются только со II в. до н. э., и наиболее интенсивно с его середины. То есть археология не воссоздает здесь той картины, которая бывает после крупных завоеваний и подчинения одного народа другим.

Некоторые исследователи полагают, что в III в. до н. э. Северное Причерноморье охватил кризис, который имел экологические причины, обусловленные длительным засушливым периодом, что заставило кочевников искать земли с более благоприятным климатом. Это привело к нарушению устоявшихся экономических связей, к запустению земледельческих поселений, к сокращению населения античных колоний и угасанию их экономической активности. По этой версии сарматы заняли уже пустующие земли, некогда принадлежавшие скифам. А в период интенсивного расселения сарматов между Доном и Днепром скифы сохраняют за собой степной Крым, где сформировалось их государство со столицей Неаполь.

Освоение сарматами Скифии происходило из-за Дона. Сарматские памятники Северного Причерноморья практически идентичны памятникам к востоку от Дона. Утверждение сарматов в степях западнее Дона привело к формированию в античной географии представления об Европейской и Азиатской Сарматиях, границы которых очертил

впоследствии Птолемей. Появление этих географических названий было обусловлено тем, что тогда границей между Азией и Европой считался Дон. Это представление существовало вплоть до нового времени.

Азиатская Сарматия являлась обширной областью. По Птолемею, ее граница на западе, как уже отмечалось, проходила по Дону и Азовскому морю, на юге она граничила с Колхидой, Иберией и Арменией, на востоке ее пределы ограничивались Каспийским морем и Волгой. Северные границы Азиатской Сарматии античным географам достоверно не были известны. Если попытаться скорректировать представления античной географии о границе Азиатской Сарматии по распространению памятников сарматской культуры, которые во времена Птолемея отличались значительным единством, то на востоке ее территория будет простирается до Южного Зауралья, на севере в ее состав должны были входить районы Куйбышевской области и Башкирии.

Ведущей политической силой Азиатской Сарматии в последние два века до н. э. были аорсы, верхние аорсы и сираки. Это были не отдельные племена, а скорее всего, этнополитические объединения, представляющие собой племенные союзы, во главе которых стояли наиболее сильные племена и которые свое этническое имя распространяли на все объединение. Античные авторы обычно все объединение воспринимали как один народ, так как на внешнеполитической арене племя-объединитель выступало от своего имени. В рамках союзов отдельные племена сохраняли свои названия, некоторые из них дошли до нашего времени в сочинениях Плиния, Птолемея и других авторов. Отдельные из них по тем или иным причинам могли выйти из племенного союза и явиться инициаторами создания нового объединения. Так, в освоении Скифии приняли участие сарматские племена, явно вышедшие из Азиатской Сарматии, но там до этого не упоминавшиеся.

В I в. до н. э. сведения о Восточной Европе у античных авторов стали пополняться новыми, оригинальными данными. Интерес античной истории и географии к этому району был вызван в первую очередь политическими причинами. Быстро растущая держава начинает интенсивно утверждаться на Востоке, присоединяя к себе одну область за другой. Однако здесь Риму приходилось сталкиваться с сильным сопротивлением отдельных государств, одним из таких было Понтийское царство, во главе которого стоял довольно активный правитель Митридат Евпатор VI. Борьба Митридата с Римом затянулась на многие годы. Это соперничество в конечном счете должно было решить вопрос о сферах влияния в бассейне Черного моря. Митридат в своей борьбе опирался на Боспорское царство, которое вошло в состав его государств-

ва, кроме того, он замышлял привлечь в качестве союзников многочисленное варварское население Северного Причерноморья, в том числе и сарматов. Война с Митридатом отняла у Рима много сил, но в конце концов усилием выдающихся своих полководцев Суллы, Лукулла, Помпея Митридат был разгромлен. Эти так называемые Митридатовы войны, имевшие место в период с 89 по 63 гг. до н. э., были описаны целым рядом историков, современников этих событий. Большинство их сочинений до нашего времени не дошло. Однако многое из сочинений этих авторов использовал в написании своего труда известный географ Страбон, который родился примерно в то время, когда опальный Митридат покончил счеты с жизнью в Пантикапее, столице Боспорского царства. Свой труд Страбон закончил к 18 г. н. э., но его сведения о народах Восточной Европы более ранние, относящиеся к II — I вв. до н. э., ко времени описанных выше войн и предшествующему им.

По Страбону, на Дону жили аорсы. Они, вероятно, в основном занимали его левобережье. Так как между Доном и Днепром тот же Страбон помещает роксоланов, Северный Прикаспий занимали наиболее многочисленные верхние аорсы. Точно определить территорию их расселения сложно. Страбон говорит, что «они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря». Видимо, какая-то часть Нижнего Поволжья входила в состав земель, занимаемых верхними аорсами. Хотя сам Страбон не знал Волги и вслед за географом III в. до н. э. Эратосфеном считал, что Каспийское море соединяется с Северным океаном проливом. Сираки занимали земли к югу от аорсов и к западу от верхних аорсов, поскольку из контекста сочинения Страбона следует, что последние занимали земли вдоль Каспия, вплоть до Иберии. В основном сиракам принадлежали просторы Кубани.

В какое время сложилась эта этническая карта Северного Кавказа и прилежавших к нему территорий? Страбон считал сираков и аорсов пришлыми народами, «изгнанниками племен, живущих выше». «Выше», по Страбону, не обязательно северней, это могут быть и иные направления.

По одной из существующих научных версий, ядро верхних аорсов оформилось в период становления раннесарматской культуры в Южном Приуралье. Одним из ранних районов формирования аорсов мог быть бассейн реки Илека, притока Урала. На рубеже IV — III вв. до н. э. носители раннесарматской культуры, основную часть которых составляли верхние аорсы, занимают Нижнее Поволжье, частично ассимилируют и частично вытесняют местное население, которым были савроматы, описанные Геродотом. Потесненные племена Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона вынуждены были занять земли к

югу от Маныча. На их основе складывается объединение племен, возглавленное сираками.

В свое время была предпринята попытка эту версию, построенную в основном на археологических материалах, подкрепить данными письменных источников. У Диодора Сицилийского сохранились сведения о распрях между наследниками боспорского престола Пританом, Евмелом и Сатиром, произошедших в конце IV в. до н. э., в которые якобы были вовлечены фракийцы во главе с царем Арифарном. В этом эпизоде исследователи заметили ряд несоответствий. Во-первых, каким образом в азиатской части Боспора, на Кубани, оказались фракийцы, которые жили с противоположной стороны Черного моря, в Подунавье. Во-вторых, почему фракийцев, которые не являлись ираноязычным племенем, возглавлял царь с иранским именем. Некоторыми учеными было сделано предположение, что здесь позднейшими переписчиками труда Диодора допущена ошибка, искажившая название народа, принявшего участие в этих событиях. Был предложен ряд вариантов прочтения этого наименования, в том числе и сираки, вместо фракийцев. В последнем случае все, казалось, становилось на свои места: сираки — ираноязычный народ, и во главе их стоял царь с иранским именем. Столь раннее появление сираков на Кубани предполагало и раннее появление аорсов к северу от них.

Однако такая реконструкция вызывает ряд возражений, которые ее ставят под сомнение. Непонятно, например, почему сираки, проявив большую активность в событиях конца IV в. до н. э., затем в течение ряда веков, вплоть до времени жизни Страбона, в этих местах не упоминаются. Новые разработки по хронологии сарматской культуры не подтверждают какого-либо крупного передвижения из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье в конце IV — начале III вв. до н. э. Отмеченное выше передвижение какой-то группировки кочевников из Южного Приуралья на Дон не позднее середины IV в. до н. э., условно отождествляемой с сираками, не привело к кардинальным изменениям в судьбе савроматского населения, которое, судя по письменным источникам, продолжало жить по соседству с сираками. Да и с лингвистической точки зрения, навряд ли возможно смешение названий «фракийцы» и «сираки».

Вероятнее всего, нарисованная Страбоном этнокарта Восточной Европы, особенно областей, прилегающих к Северному Кавказу, сложилась в результате передвижения народов во II в. до н. э. и последовавшей затем стабилизацией нового положения на определенный период времени. Навряд ли в восточноевропейских степях с IV в. до н. э. по начало нашей эры могла сохраниться неизменной политическая ситуация, учитывая, что во II в. до н. э. в Евразии происходит резкое

усиление миграционных процессов. Именно со II в. до н. э. сарматы занимают ведущее положение в районах, прилегающих к Северному Кавказу, и в Северном Причерноморье. Они превращаются в ведущую политическую силу в этом регионе, с которой²не могут не считаться крупные державы того времени. Из письменных источников известно, что в 179 г. до н. э. сарматы упоминаются в договоре понтийского царя Фарнака I с рядом малоазийских и европейских государств. На них рассчитывал Митридат в своей борьбе против Рима, и сарматы, вероятно, участвовали в сражениях на его стороне. Так, в одной из битв в Закавказье между войсками Митридата и Помпея упоминаются амазонки, выступившие на стороне Митридата, с которыми в античной литературе обычно отождествляются савроматы и сарматы.

В середине I в. до н. э., во время правления Фарнака III на Боспоре привлекались военные отряды сираков, аорсов и верхних аорсов, вероятно, предназначавшихся для похода в Малую Азию для продолжения борьбы с Римом. В этом эпизоде, переданном Страбоном, речь идет о численности их армий. Сираки выставили отряд в 20000 человек, аорсы — в 200000, а верхние аорсы еще больше, так как владели большей территорией. Скорее всего, Страбон преувеличивает их численность, но важно то, что в представлении античных писателей это были многочисленные народы со значительным военным потенциалом.

Кроме активного участия в военных акциях, сарматы устанавливают со многими народами экономические связи, и в первую очередь с городами Боспорского царства. Одним из важных торжищ между греками и варварами Страбон называет Танаис — город, расположенный в устье Дона со смешанным греко-варварским населением. Страбон писал, что «это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и прочие принадлежности культурного обихода». Сарматы устанавливают тесные отношения с меотским земледельческим населением Кубани, откуда в степи на Волгу поступают хорошей выделки глиняная посуда, бронзовые зеркала, украшения. Страбон упоминал о существовании торгового пути, шедшего из степей через Кавказ в Мидию, который контролировали аорсы: «Они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев».

Господство аорсов в волго-донских степях продолжалось до начала нашей эры. Со II в. до н. э. сарматы, начав активно переходить Дон, продвинулись на запад от Днепра, который более столетия являлся границей, разделяющей сферы влияния, с одной стороны, сарматов, с

другой — гетских племен. Римский чиновник Агриппа в своей известной карте восточных провинций Римского государства в середине I в. до н. э. границу Сарматии определял по Днепру. Только с самого начала нашей эры сарматы начинают интенсивно осваивать земли между Днепром и Дунаем. Подчиняясь общему движению сарматов, аорсы также перемещаются на запад. В первой половине I в. н. э. Помпоний Мела между Доном и Днепром упоминал амаксобиев, которых Плиний отождествлял с аорсами.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что аорсы на своих прежних территориях остаются вплоть до середины I в. н. э. Основным аргументом в пользу этого мнения считались события так называемой сирако-аорской войны, описанной Тацитом. Причиной этой войны стало очередное соперничество претендентов на боспорский престол, на этот раз разгоревшееся между братьями Котисом и Митридатом VIII, последний из которых предпринял попытку освободиться от римской зависимости. Котиса поддерживали римляне, оказав ему непосредственную военную помощь. Митридат вынужден был бежать в азиатскую часть Боспорского царства, где он захватил земли дандариев, живших в низовьях Кубани, и склонил на свою сторону сираков. Коалиция Котиса обратилась за помощью к аорсам. Казалось бы, в этом конфликте из числа варваров участвуют те же народы — сираки и аорсы, которых здесь гораздо раньше поселял Страбон, что вроде бы свидетельствует о стабильности этнической карты Северного Кавказа и соседних территорий в течение длительного времени, по крайней мере, вплоть до середины I в. н. э.

Однако диспозиция перед началом военных действий, переданная Тацитом, скорее всего, свидетельствует о том, что в этих местах уже произошли определенные изменения в особенностях расселения отдельных народов. Союзные войска Котиса, римлян и аорсов начинают свое наступление на противника со стороны Тамани. Если бы на этот момент аорсы находились на прежних местах, то есть к северу от сираков, то в этом случае им гораздо удобнее было бы нанести удар в тыл сопернику. Также не ясно, каким образом аорсы могли пройти через земли, занятые противником, и соединиться для совместных действий с Котисом. Вероятно, правы те исследователи, которые считают, что, по крайней мере, какая-то часть аорсов к этому времени уже передвинулась за Дон и кочевала к северу от Крыма и что аорсы могли попасть на Тамань в состав союзного войска только через Крым.

Второй этап значительной подвижки кочевников Восточной Европы на запад связан с освоением сарматами с начала нашей эры районов между Днепром и Дунаем. Окончательно сарматы утверждаются здесь в I в. н. э., о чем свидетельствует Плиний, погибший при извержении

Везувия в 79 г. н. э., и поэт Овидий, сосланный в 60-е годы н. э. в город Томы, располагавшийся в низовьях Дуная.

Эта подвижка сарматов на запад не привела к образованию пустых ниш в восточных районах их обитания. Плотность населения здесь оставалась достаточно высокой. В междуречье Волги и Дона — по Салу, Курмоярскому и Есаульскому Аксям, Иловле; в Калмыкии — по Манычу; в Заволжье — по Караману, Еруслану и в других местах Нижнего Поволжья открыто достаточно много крупных могильников, содержащих большое число сарматских богатых погребений I — II вв. н. э. (рис. 10).

Вслед за событиями начала нашей эры в письменных источниках появляются сведения об аланах. Наиболее ранние сообщения о них относятся ко второй половине I в. н. э. (Сенека, Валерий Флакк, Марциал, Плиний, Иосиф Флавий, Анней Лукан). Обращает внимание широкий разброс мест раннего обитания аланов. Флавий, сообщивший о вторжении аланов в Закавказье в 72 г. н. э., помещает их у Меотиды и Танаиса; Флакк и Лукан — на Кавказе; Сенека и Плиний — на Дунае. Некоторые исследователи высказывали мнение, что аланы в Восточной Европе появляются между 49 и 65 гг. н. э., то есть между сирако-аорсской войной, в событиях которой они не упоминаются, и годом смерти Сенеки, который первым отметил их на Дунае. На Дунай же аланы могли попасть только с востока, преодолев северопричерноморские степи.

Время появления аланов в восточноевропейских степях восстановить достаточно точно трудно. Есть некоторые основания считать, что появляются они здесь все же раньше событий сирако-аорсской войны. Об этом, в частности, может свидетельствовать постоянное запаздывание в сообщениях античных информаторов о появлении нового населения на северо-восточной периферии древнего мира. Можно привести пример с теми же сираками и аорсами, которые Страбоном были зафиксированы гораздо позже их появления к северу от Кавказа. Некоторые сведения в поддержку мнения о более раннем времени появления аланов на исторической арене, нежели принято считать, содержатся в сочинении Аммиана Марцеллина, жившего в IV в. н. э. и достаточно подробно описавшего аланов. По его утверждению, аланам потребовалось много времени для подчинения других народов и утверждения своего лидирующего положения. «...Они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам». Вероятно, начавшееся продвижение сарматов за Днепр в начале нашей эры было вызвано давлением на них с востока аланов. Событиям же сирако-аорсской войны навряд ли следует придавать всеобщее значение. Судя по Тациту, это был ло-

кальный конфликт, захвативший в основном Кубань и Восточное Приазовье. На территориях же, расположенных севернее, политическая и этническая ситуация могла уже существенно измениться.

На рубеже эр или в самом начале нашей эры у сарматов происходят значительные изменения в погребальном обряде и материальной культуре. Широкое распространение получает обычай погребать под индивидуальной курганной насыпью, часто в ямах квадратной формы, в которых погребенный клался по диагонали могилы. В вещевом комплексе наиболее типичными находками являются мечи с навершием в виде кольца, небольшого размера трехлопастные наконечники стрел, бронзовые зеркала с валиком по краю диска и конической выпуклостью в центре, разнообразной формы, хорошо выделанные серолощенные кувшины, появляются импортные зеркала, находящие аналогии в древностях ханьского Китая. Особо яркими находками этого времени являются предметы искусства, выполненные в так называемом «золото-бирюзовом» стиле. Это, как правило, детали конской упряжи, браслеты, поясные пряжки, кинжалы, вещи, являющиеся атрибутами власти: пекторали (нагрудные украшения), диадемы. Все эти вещи изготовлялись из золота и обычно богато инкрустировались бирюзой и другими камнями. Наиболее известные их находки происходят из погребений в кургане у станции Жутово Волгоградской области, у с. Косика Астраханской области, в курганах Хохлач и Садовый в Новочеркасске, у пос. Дачи под Азовом.

Появление в I в. н. э. в письменных источниках неизвестного ранее народа, аланов, и отмеченные новые явления в археологическом материале позволяют предположить взаимосвязь этих событий. Освоение аланами южнорусских степей повлекло за собой утверждение новых элементов в погребальном обряде и материальной культуре.

Одним из сложных вопросов является определение прародины аланов, откуда они пришли в Восточную Европу? Некоторые сведения на этот счет содержатся в античных письменных источниках. Так, например, Аммиан Марцеллин считал, что алланы — это бывшие массагеты. Это отождествление оказалось наиболее устойчивым, оно повторялось даже в средневековых источниках. Массагеты же, как известно, являлись жителями Средней Азии.

Вероятно, первое упоминание, имеющее отношение к аланам, датируется второй половиной II в. до н. э. и связано с вторжением в Среднюю Азию кочевников, приведшим к падению Греко-Бактрии. Среди них Страбон называет асиев. Помпей Трог, рассказывая о тех же событиях, называет асидонов. Эти этнонимы могут быть сопоставлены с названием народа асов, или ясов, обычно отождествляемых с аланами. Сопоставление грузинских, армянских, византийских, латинских

и русских источников, в которых упоминаются асы и аланы, позволяет прийти к выводу, что это один и тот же народ.

О связи ранней истории аланов со Средней Азией свидетельствуют и независимые от античных китайские письменные источники, в которых в начале нашей эры упоминается страна Аланья, местонахождение которой приурочивается к Аральскому морю.

Однако, вряд ли аланы являлись исконным населением Средней Азии. Как уже отмечалось, они появились, скорее всего, в связи с вторжением в этот район в середине II в. до н. э. кочевников. В это бурное время вероятные предки аланов вместе с другими народами, теснимыми хуннами, пришли с Востока в Среднюю Азию и обосновались в землях, сопредельных с Хорезмом. Возможно, они входили в состав государства Кангюй. Изменение политической ситуации на рубеже эр в среднеазиатском регионе заставило аланов покинуть его.

Формирование аланов — длительный процесс, начавшийся в Средней Азии, завершается он уже в южнорусских степях в начале нашей эры. Следует также учитывать сложность употребления этого этнического названия, оно могло употребляться в узком и широком смыслах. В первом случае — как название конкретной этнически родственной группы населения; во втором — как название политического объединения, каким являлся племенной союз, во главе которого стояли аланы. В последнем употреблении они чаще всего и фигурируют в античных письменных источниках.

Во время своего пребывания в Средней Азии аланы, вероятно, и стали тем консолидирующим ядром, вокруг которого сплотились различные кочевые группировки, волей судеб попавшие в этот регион и продвинувшиеся затем в начале нашей эры в Восточную Европу.

Первоначальным центром аланов в Восточной Европе, вероятно, стал Нижний Дон, именно здесь сосредоточено целое скопление богатых так называемых «царских» курганов типа Хохлач, Садовый, Александровка и другие, датируемые началом нашей эры. Среди многочисленных находок, обнаруженных в них, высокохудожественные украшения, выполненные в новой изобразительной манере, близкой традициям среднеазиатских и центральноазиатских районов.

С начала нашей эры в восточноевропейских степях начинают распространяться вещи (кроме уже отмеченных предметов искусства), которые как бы прослеживают путь, по которому прошли аланы, — это так называемые ханьские бронзовые зеркала, производство которых началось в Китае во II в. до н. э., промежуточным пунктом их распространения являлась Средняя Азия; отдельные типы мечей, ранние находки которых известны в древностях Алтая, затем на их основе в Средней Азии формируются парадные формы мечей, найденных на

Нижней Волге и Дону. Особенно показательным является распространение так называемых тамг, знаков, первоначально обозначавших, вероятно, родовую принадлежность. Идентичные тамги в хронологической последовательности известны от Западной Монголии через Среднюю Азию до Северного Причерноморья.

Появление вещей восточного производства, в том числе и китайских, в Восточной Европе обычно связывается с функционированием Великого шелкового пути с его северным ответвлением, огибающим Каспийское море и через Волгу и Дон достигающим Черного моря. Считается, что этот путь действовал уже во II — I вв. до н. э. Сделанные в последнее время уточнения датировок погребальных комплексов с восточным импортом не дают оснований говорить о появлении их в Волго-Донских степях ранее начала нашей эры. Подтверждение сказанному можно найти и в письменных источниках. Такой видный географ античности, как Страбон, который, как уже отмечалось, закончил свой труд в 18 г. н. э., абсолютно ничего не знал о Северном Прикаспии и Поволжье. Каспийское море он считал заливом океана, да и о Подонье он мало что сообщает. Можно, конечно, сослаться на то, что Страбон на начало нашей эры просто не имел в своем распоряжении оригинальных данных об этих районах, а скорее всего, их просто не существовало. И только по прошествии века с лишним у другого крупного географа Птолемея (90 — 160-е гг. н. э.) появляются довольно подробные описания Дона и Волги, появляются сведения о Каме, о малых реках Северного Прикаспия, указываются населенные пункты и различные народы, обитавшие здесь. Современные исследователи наследия Птолемея не без основания считают, что эти новые сведения заимствованы им из путеводителей, специально составленных для купцов. Таким образом, рисуется следующая картина. Торговый путь из Средней Азии в Причерноморье через Волгу начинает действовать вслед за утверждением в восточноевропейских степях аланов, что, вероятно, объясняется существованием политических связей аланов со среднеазиатскими центрами, а также установлением относительной стабильности в этом регионе, обеспечиваемой аланским объединением.

С момента появления сведений об аланах они выступают как мощная политическая сила на северо-восточной периферии античного мира, оказывая значительное влияние на события, по крайней мере, в двух наиболее напряженных районах того времени: в давлении варваров на рубежи Римской империи в Подунавье и Закавказье, народы которого были втянуты в длительный конфликт между Римом и Парфией.

Аланы, отличаясь военной активностью, утверждают свое лидирующее положение и в южнорусских степях. Под их давлением часть

предыдущего сарматского населения вынуждена была продвигаться к дунайским границам Римской империи. В могущественном Риме в аланах стали усматривать опасного противника. Известно, что в 60-е годы н. э. императором Нероном с большим размахом готовился поход против аланов. Наместник римской провинции Каппадокии Арриан, знавший толк в военном деле, специально написал труд под названием «Диспозиция против аланов». Яркую этнографическую зарисовку аланов и их воинственности дал Аммиан Марцеллин. «Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни. Как мирный образ жизни приятен людям тихим и спокойным, так им доставляют удовольствие опасность и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении...»

Во II в. н. э. в погребальном обряде и материальной культуре сарматов Поволжья и Подонья происходят значительные изменения. Изменяется ориентировка погребенных под курганными насыпями. Если раньше сарматы клали своих покойников головой к югу, то теперь в противоположную сторону — на север. У них широко распространяется обычай искусственной деформации головы, более половины всех исследованных погребений дают искусственно деформированные черепа.

Наиболее частыми находками являются мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия, мечи иногда украшались халцедоновыми навершиями и нефритовыми скобами; небольшого размера бронзовые зеркала-подвески; квадратной формы ритуальные сосудики, различных типов застежки-фибулы; увеличивается встречаемость лепной горшковидной керамики. Все эти новые явления легли в основу выделения позднесарматской культуры, обычно датируемой II — IV вв. н. э. (рис. 11).

Ответить на вопрос о происхождении позднесарматской культуры в какой-то мере позволяет выявление истоков обычая искусственной деформации черепа. Раньше считалось, что этот обычай был принесен гуннами в Поволжье с Востока. Высказывалось мнение и о местных корнях данной традиции, так как обычай искусственной деформации черепа существовал здесь еще в бронзовом веке у представителей так называемой катакомбной культуры. Длительный разрыв во времени между катакомбной и позднесарматской культурами, казалось бы, заполняют сведения Псевдо-Гиппократа, относящиеся к концу V — началу IV вв. до н. э., о причерноморских жителях с вытянутыми головами. Однако сообщение Псевдо-Гиппократа до настоящего времени не подтвердилось и разрыв этот так и остается ничем не заполненным. В

последнее время все определеннее высказывается мнение о среднеазиатском влиянии в распространении обычая деформации головы у сарматов. Обработка широкого круга антропологического материала с различных районов Средней Азии выявила следующую картину. Рассматриваемый обычай здесь был известен с середины I тыс. до н. э. Некоторые исследователи появление деформированных черепов у сарматов Поволжья связывали с миграцией населения с территории Средней Азии.

В археологическом отношении позднесарматская культура также обнаруживает близость со среднеазиатскими и более восточными древностями.

Появление нового населения в волго-донских степях не привело к резкой смене населения здесь и на этот раз. Об этом говорит сохранение некоторых особенностей погребального обряда и материальной культуры предшествующего времени.

Кто были новые пришельцы? Дают ли что-нибудь нам на этот счет античные источники? К сожалению, в них отсутствуют какие-либо данные об этом вопросе. Вероятно, события, происходившие в это время на далекой периферии, остались незамеченными в античной литературе. Основными районами, к которым было приковано внимание Рима, были Подунавье и азиатские провинции.

Некоторый свет на эту проблему проливают материалы древнего города Танаиса, расположенного южнее современного Ростова-на-Дону. В некрополе этого города была выявлена значительная группа погребений с признаками позднесарматской культуры, датирующихся II-III вв. н. э. В это же время в танаисских надписях появляется множество иранских имен, ранее неизвестных здесь, не известны были они и в надписях других боспорских городов, что свидетельствует о появлении в низовьях Дона новой ираноязычной этнической группы. Следовательно, носители позднесарматской культуры были новым ираноязычным населением, пришедшим в волго-донские степи с востока.

Во время позднесарматской культуры этноним «аланы» продолжает оставаться одним из наиболее распространенных. Создается впечатление, что смена культур кардинальным образом не повлияла на этнополитическую ситуацию в Сарматии.

С середины III в. н. э. сарматы начинают утрачивать ведущее положение в восточноевропейских степях. В Северном Причерноморье появляются готы. Потеряв связь с западными районами, часть сарматского населения Поволжья и Южного Приуралья вступает в контакт с угорскими народами и в конечном счете включается в состав гуннского племенного союза. Вероятно, заволжские сарматы в составе гуннского союза участвуют в разгроме донских аланов. Эти события были описа-

ны Аммианом Марцеллином: «...гунны, вторгнувшись в земли тех алан, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора». Гревтунги — это остготы, которые занимали территорию от придонских степей до Днестра. А аланы-танаиты поселялись в Приазовье и низовьях Дона. По-видимому, быстрое включение части разбитых аланов в гуннский союз было обусловлено наличием в нем ираноязычных племен Заволжья.

Появление и утверждение гуннов в северопричерноморских степях является концом сарматской истории. Вслед за гуннами в степи Восточной Европы начинают продвигаться один за другим тюркоязычные народы. Значительная часть сарматского населения была увлечена гуннами на запад, к границам Римской империи; другие их подразделения вошли в состав раннесредневековых государств: хазарского в Поволжье и Алании на Северном Кавказе.

ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СТЕПНЫХ ПЛЕМЕН ЕВРАЗИИ

В первом тысячелетии до н. э. степную полосу Евразии заселяли многочисленные племена скифо-сарматского мира, которых античные авторы называли номадами, т.е. кочевниками-скотоводами. Гомер в «Илиаде» характеризует их как питающихся только молоком; Гекатей Милетский — как «доителей кобыл»; Геродот указывает, что у «скифов нет ни городов, ни укреплений, а свои жилища они возят с собой»; Гиппократ — что «едят они мясо, молоко, сыр»; Аристотель — что «савроматские овцы отличаются жесткостью шерсти» и т.д.

Возникает вопрос, почему в эпоху бронзы (конец 3 — 2 тыс. до н. э.) на данной территории жили племена первобытных земледельцев, в небольшом количестве разводивших скот, а в 1-м тыс. до н. э. — почти исключительно кочевники-скотоводы? Главным в этом отношении является то, что количество населения было небольшим, процессы имущественной дифференциации и социальной стратификации развивались весьма замедленными темпами, принцип первобытного «коммунистического распределения» полностью преобладал. Поэтому, в условиях крайне низкого уровня развития орудий труда, прежде всего земледельческих, отдельные роды заселяли поймы рек и засеивали небольшие участки относительно легких пойменных почв, и урожай обеспечивал возможность поддерживать простую жизнедеятельность и даже определенные общественные процессы.

Картина начинает резко меняться в начале 1-ого тыс. до н. э. Нам сегодня известны еще не все причины, приведшие к изменению хозяйственного уклада. Скорее всего сработал комплекс причин. Резко изменившаяся экологическая обстановка, какие-то политические и этнические процессы сначала привели к почти полному обезлюдению степей от Дуная до Алтая в киммерийскую эпоху (конец IX — середина VII вв. до н. э.), а затем в скифское и сарматские время, к новому освоению территории, постепенному заселению всех районов, к значительному увеличению количества проживающих в степи людей. В это время пойменные низменности уже не могли прокормить увеличившееся население, особенно в условиях усиливающихся общественных и имущественных процессов. Распахать целинную степь в тех условиях было невозможно, поэтому здесь распространяется своеобразная форма хозяйственного уклада — кочевое скотоводство во многих его формах и видах. В этом случае следует рассматривать возникновение и развитие номадизма как адекватную реакцию, причем удачную, пер-

вобытных племен на условия, диктуемые природно-географической средой.

Расселение степных племен в I-м тыс. до н. э., конечно, не совпадало с современным административным делением. Поэтому говорить о жизни савроматов, а тем более сарматов, необходимо в приложении к большому региону, включая в него территорию современных Ростовской, Астраханской, Волгоградской, южной части Воронежской областей и Калмыкии — в Нижнем Поволжье и Подонье; Оренбургской, восточной части Куйбышевской, трех областей Западного Казахстана и степной Башкирии в Южном Приуралье.

Пользоваться понятием «степь» без уточнения его специфики нельзя. Степь бывает разная, и при исследовании вопросов этнической истории ранних кочевников, хронологии, хозяйственной деятельности и общественного устройства необходимо учитывать качество и количество травостоя, гидрографию, поверхность местности и периодичность осадков, температурный баланс и множество других аспектов природно-географической среды. Например, такой участок степи, как Нижнее Поволжье, Подонье и Южное Приуралье распадается на несколько районов, различающихся по перечисленным естественно-биологическим особенностям. Тем более, что ни одна другая природная зона не подвергалась и не подвергается такому интенсивному, почти катастрофическому антропогенному воздействию, как степная. Степь при общей положительной оценке ее природных условий, не отдавала и не отдает легко своих даров. В степи для обеспечения своих потребностей человеку необходимо было много трудиться, преодолевать природные невзгоды, привыкать, терпеть и ждать, прежде чем получить те или иные блага. Профессор В.Иванов писал, что к нашему времени человек сумел уничтожить степи до того, как успел изучить их. Как ни прискорбно, самое отрицательное воздействие на степь осуществлялось в XX веке, особенно за годы Советской власти. Массовое освоение целинных земель, обводнение как единственный вид мелиорации, неумеренный выпас скота, превращающий нашу зону чем дальше, тем больше в безжизненную пустыню. В этом отношении мы должны быть чрезвычайно благодарны степным кочевникам, которые за 30 веков не только освоили степь, но и оставили ее для нас, а мы за 100 лет уничтожили ее полностью. При существовании вековых экологических колебаний климат степной зоны не претерпел за три тысячелетия кардинальных, необратимых изменений. Поэтому, с определенной корректировкой, современные условия можно проецировать в прошлое.

Ученые считают, что особенностью климата степей является четко выраженная засушливость лета и суровой зимы, превышение испаряемости над осадками, несоответствие значительного количества тепла

малому количеству влаги, повторяемость средних и сильных засух от 10 до 30% в 100 лет.

Эта общая характеристика требует серьезного уточнения применительно к Южному Приуралью и Нижнему Поволжью-Подонью. В Южном Приуралье более благоприятная обстановка для жизни скотовода (современные Самарская, Оренбургская области и Башкортостан). Немного хуже она в Актюбинской, Уральской, Гурьевской областях Западного Казахстана. Так, например, количество осадков уменьшается от параллели г.Оренбурга до г.Гурьева в два раза (от 390 до 160 мм в год), а на плато Устюрт доходит до 100 мм.

Территория Саратовского, Волгоградского, Астраханского Заволжья и почти вся территория Западного Казахстана входят в ареал распространения глинистой полупустыни Северного Прикаспия. Характеристика данной зоны выглядит следующим образом: обширные пространства Северного Прикаспия полупустынные, малонаселенные, местами безводные, несомненно таят в своих недрах большие природные богатства, еще не освоенные нами полностью. Одной из причин этого является слабая обеспеченность пресной водой. Эту местность характеризует близкое залегание грунтовых вод, высокая их минерализация и интенсивное испарение. Все это явилось причиной восходящего передвижения влаги к поверхности и накопления солей в почвенном профиле. Поэтому здесь широко распространены солончаковые солонцы, занимающие до 50-60% площадей. Имеющиеся отдельные возвышенности (Сынтас, Сасай, Малое и Большое Богдо, Индер) объясняются соляными подпольными поднятиями местности.

Южная Башкирия, западная и центральная части Оренбургской области и Самарское Заволжье представлены Общим Сыртом. Это волнистая возвышенная равнина, расчлененная речными долинами на отдельные возвышенности — сырты.

Прорезая Челябинскую, Оренбургскую области, Башкортостан, вдоль правого берега р.Урал и занимая центральную часть Актюбинской области, лежат отроги Уральских гор — Мугоджары, которые представлены кристаллическими сланцами, гнейсами, звестняками и песчаниками.

В восточной части Оренбургской и Актюбинской областей с их темнокаштановыми, местами сильно солонцеватыми почвами — степи и зауральские сырты, переходящие к югу (южнее р.Эмбы) в горы Шуль-Мра, Джил-Тау, Кулюн-Кулю и северно-западные чинки Устюрта.

Южное Приуралье разделяется на ряд районов и с точки зрения гидрографии. Все реки и большинство озер Общего и Зауральского сыртов пресные, а все озера глинистой полупустыни Северного При-

каспия — соленые. Главная водяная артерия, прорезающая весь регион р. Урал, пресная, но в зоне имеется большое количество блуждающих рек, которые не имеют стоков в моря, и реки с ними связанные. Все блуждающие реки большую часть года имеют солоноватую воду. На гидрографию региона оказывает влияние чередование влажных и засушливых сезонов, которые подчиняются определенным закономерностям. Годы с высоким или низким увлажнением объединяются в периоды более 10 лет, а сухие и влажные периоды составляют циклы по 50 лет.

Строение поверхности, почвы, гидрография, климат не могли не сказаться на растительном покрове Южного Приуралья. На Общем сырте до сих пор в поймах рек сохранились лесные массивы. Степи заросли многолетними житняками, ковылями, разнотравьем, злаковыми, редко — полынными ассоциациями и прутняком. Территория Орского плато представлена ковылково-тырсовыми степями.

Актюбинская область на севере имеет разнотравно-ковыльную степь, на юге полынно-злаковую и солонцовую полупустыню. Значительную часть Уральской, всю Гурьевскую области, Астраханское и Волгоградское Заволжье занимают полынные ассоциации. В Северном Прикаспии на долю пустынной растительности приходится 52% всей площади, степной — 22%, переходной — 26%.

Еще менее однородной выглядит территория междуречья низовьев Волги — Дона. Здесь выделяется специальная область — Западный правобережный Прикаспий, в которую включается одиннадцать районов. При этом тесная связь рельефа с почвенно-растительным покровом, динамикой поверхностного увлажнения, минерализацией и уровнем грунтовых вод наглядно выступает в конкретных характеристиках районов.

Общая площадь одиннадцати районов составляет более 100000 кв. км, она включает в себя Сарпинскую ложбину, Северную Сарпинскую низменную равнину, Приергенинскую равнину, Южную Сарпинскую низменность, Астраханскую перевеянную низменную равнину, Центральную Черноземную песчаную равнину, район бэровских бугров и подстепных ильменей, Нарын-худукский озерный бессточный район, Прикумскую грядово-ложбинную равнину, Приморскую песчано-солончаковую низменную равнину и Манычскую ложбину.

За исключением Ергеней, эта плоская низменность дважды покрывалась в четвертичное время водами Каспия (бакинская и хвалынская трансгрессии). Абсолютные отметки по отношению к уровню мирового океана на севере низменности — около 100 м, а на юге близки к 0. Низменность изобилует неглубокими западинами и более обширными понижениями в форме педин, лиманов и разливов. В междуречье па-

дины занимают в среднем 10-12% всей территории, 20-25% и местами даже 50% межпаденного пространства приходится на западины. Лугово-каштановые почвы этих понижений представляют собой резерв пахотно-пригодных земель. Безморозный период длится 150-180 дней в году, а снежный покров лежит около 80-120 дней. По сравнению с Южным Приуральем здесь выпадает больше атмосферных осадков — 250-300 мм в год.

Ергенинская зона территориально совпадает с невысокой (до 221 м) ассиметричной возвышенностью Ергени. Восточный крутой склон ее с выходом коренных пород террасирован, расчленен балками и оврагами. Это наиболее теплая и увлажненная часть зоны с коротким снежным покровом, длительностью около 70-100 дней в году. В ландшафтном отношении вся эта территория относится к полупустыне. Южнее лежит Прикаспийская провинция на плоской, лишенной дренажа низменности, с близким залеганием соленых грунтовых вод. В отличие от Ергеней, почвы низменности сильнее засолены, климат суше и континентальнее. Вследствие этого здесь преобладает ландшафт южной полупустыни. Большие площади заняты лиманами и разливами, встречаются озера с соленой, реже с пресной водой (Сарпинские озера, Манычские разливы).

Если сравнивать две части полупустыни Северного Прикаспия к западу и востоку от Волги, то главное отличие западной части заключается в необычно теплой малоснежной зиме, очень больших термических ресурсах теплой половины года. Средняя температура января западнее Волги — 4-10 градусов, восточнее — 10-14; сумма температур всех дней с устойчивой температурой выше 10 градусов — соответственно 3200-3500 и 2800-3300 градусов. Теплая зима, без устойчивого снежного покрова давала возможность использовать правобережье Волги под зимние пастбища.

Территория междуречья Волги-Дона, лежащая к северу от параллели г.Волгограда относится к сухостепи Восточно-Европейской провинции. Для нее характерны тяжелые южные черноземы и темно-каштановые почвы. Ландшафт изобилует незначительными возвышенностями, часто разделенными в западном и восточном направлении оврагами. Степи здесь типчакково-ковыльные с общей продуктивностью 306 ц/га. Сухостепь характеризуется неравномерностью выпадения осадков (за июнь-июль до 50% годовой нормы). Всего выпадает 240-450 мм осадков в год. Среднегодовая температура +6 градусов, температура ниже 0 градусов держится 65-70 дней, выше — 160-175 дней, высота снежного покрова — 10-12 см. Частота засух — один раз в 2-3 года.

Следует отметить, что засухи в степях и полупустынях Южного

Приуралья и Нижнего Поволжья были довольно часто. Так, за 102 года наблюдений в данном регионе (с 1788 по 1890 гг.) они были 21 раз, т.е. каждые 5 лет. Кроме того, у многих исследователей не вызывает сомнений факт чередования в данной зоне засушливых и относительно влажных периодов (Л.Н.Гумилев, А.А.Борисов, С.В.Полин и др.). В истории климатов СССР 1-е тысячелетие до н. э. на всей территории Евразии, а не только ее степной зоны, делится на два периода: суббореальный и субатлантический. Суббореальный период в Восточной Евразии наступает во 2-м тыс. до н. э. и характеризуется как теплый и сухой период. К VII в. до н. э. он меняется на субатлантический. Этот процесс оценивается как резкая смена климата. Этот период можно назвать холодным и влажным и продолжается он без особых изменений до настоящего времени. Но внутри каждого из периодов возможны серьезные колебания как в сторону увлажнения, так и засушливости.

Таблица вековой изменчивости субатлантического периода

характер увлажнения	века	явления
Высокий	VII в. до н. э.	Конец теплого и сухого периода в Евразии
Высокий	VI — V вв. до н. э.	Наивысший уровень Каспия за исторический период
Высокий	V — VI вв. до н. э.	Внезапное наступление холодного периода в Европе
Высокий	IV — I вв. до н. э.	Холодный и влажный климат
Низкий	I в. до н. э. — IV в н. э.	Усушение. Аральское море — болото
Низкий	V — VI вв. н. э.	Засушливый. Уровень Каспия самый низкий за исторический период

В целом, данная схема пригодна для территории всей Евразии, но в степной зоне начало усыхания приходится на III в. до н. э.

Современное состояние природно-географической среды находит свое подтверждение у греческих ученых I-го тыс. до н. э. По сравнению с климатом Греции и Малой Азии, Гомер, Геродот, Теофраст и другие отмечают, что климат Северного Причерноморья холодный, сильно увлажненный.

Из данного описания видно, что территория Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, которые нередко в исторической литературе рассматриваются как однородные, имеет серьезные отличия по физико

-географическим условиям. Все это серьезным образом отразилось на специфике материальной культуры, хозяйственном и общественном развитии племен, заселявших эту зону в раннем железном веке.

Чтобы понять специфику хозяйства степных кочевников, необходимо определиться в понятии номадизма как особого вида производящей экономики. Один из известных исследователей по этой проблеме А.М.Хазанов совершенно верно относит к важнейшим особенностям кочевого скотоводства, определяющим его хозяйственную сущность, следующие показатели:

1. Скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности.
2. Его экстенсивный характер, связанный с круглогодичным востойловым содержанием скота на подножном корму.
3. Периодическая подвижность в пределах определенных пастбищных территорий или между ними (в отличие от миграций).
4. Участие в перекочевках всего или большей части населения.
5. Натуральный характер экономики.

Именно эти специфические особенности номадизма в области хозяйства, являясь основными, в большей или меньшей степени сопряжены со всеми основными экологическими, социальными, политическими, культурными параметрами номадизма, особенно в его взаимоотношениях с внешним миром.

Если говорить о савроматах и сарматах, то думаю, что у них была распространена классическая форма кочевого скотоводства, которая в своих чистых проявлениях характеризуется отсутствием земледелия даже в качестве вспомогательного. Таким же было хозяйство скифов-царских и скифов-скотоводов, распространивших свой этноним на ряд подчиненных племен, где было развито и земледелие, и ремесло. За более чем сто лет изучения древностей савромато-сарматов на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья не найдено убедительных следов постоянных стоянок, поселений и тем более городищ. Их памятники почти исключительно представлены курганными захоронениями. К сожалению, только отдельные элементы погребального обряда могут свидетельствовать о видовом составе стада. Он довольно традиционен для степных кочевников и включает в себя главным образом скот, способный к тебеневке, т.е. к добыванию корма выбиванием копытами из-под снега (овца и лошадь). Судя по остаткам в курганах, 36% составляет мелкий рогатый скот, причем его значение постепенно возрастает от VI в. до н. э. к рубежу эр, а затем резко уменьшается в позднесарматское время, но это может свидетельствовать не только об уменьшении удельного веса мелкого рогатого скота в стаде, но и о каких-то изменениях в употреблении поминальной пищи. На втором

месте находится лошадь, вес которой, по данным обряда, около 8%. Кости крупного рогатого скота были найдены в 2,6% всех погребений.

На видовой состав стада влияет не только экологический фактор, но и социальный статус и близость оседлого центра. У богатых больше в стаде крупного рогатого скота, у бедных — мелкого рогатого скота; у богатых — овцы, у бедных — козы; лошадь являлась знаком престижа; чем ближе рынок — в стаде больше овец, чем дальше — коз.

О стабильности и завершении формирования кочевого скотоводства говорит факт существования мультиспециализированного, то есть многовидового состава скота, так как этот тип является более стабильным и устойчивым, чем одновидовой, потому что позволяет более утилизировать пастбища.

На численность стада влияет большое количество факторов: экологических, социально-экономических, демографических и даже культурных традиций, а также наличие профессиональных навыков.

Так, по наблюдениям П.С.Палласа, в 1776 г. калмыцкая семья из пяти человек нуждалась в 8 кибитках, 1 жеребце, 10 коровах, 1 быке и нескольких десятках овец. А Георги Иоган Готтлиб в том же году писал, что средняя казахская семья обладала 30-50 лошадьми, 100 овцами, 15-25 головами крупного рогатого скота, 20-50 козами, несколькими верблюдами. И таких этнографических примеров можно привести множество и с какой-то долей вероятности распространить на савромато-сарматов.

При всем многообразии форм использования кочевниками-скотоводами экологических зон для всего савромато-сарматского периода в Южном Приуралье можно выделить один, когда они занимают исключительное или доминирующее положение в данном регионе, но по мере возможностей или необходимости стремились иногда к частичному хозяйственному использованию смежных зон. Поэтому нельзя идеализировать данные письменных источников, которые нередко дают точные географические ориентиры расселения савроматов и отдельных сарматских племен. На этом основании не рекомендуется четко очерчивать зону обитания кочевников, т.к. их могли фиксировать во время сезонных перекочевок, на местах зимовок или летовок, хотя противоположные места обитания могут располагаться за тысячу километров от этого места. Так, по данным Астраханского архива, с начала XVII в. северо-запад Прикаспия входил в ареал кочевых калмыков, которые использовали пастбища междуречья Волги-Урала большей частью как летники, а на зимовку уходили к Дону и даже на Кубань. А это значит, что перекочевки составляли 1000 — 1500 км. Или еще пример: песчаная пустыня около Красноводска летом использовалась кочевыми туркменами, а зимой — казахами, причем и те и другие имели там родовые

кладбища. Поэтому, если на новой территории встречают небольшое количество погребений носителей другой культуры, то нельзя сразу утверждать о миграциях, вооруженных вторжениях и подобных ужасах, которые часто зря приписывают кочевникам городские и земледельческие обыватели.

По мнению А.М.Хазанова, как и все другие критерии номадизма, характер перекочевки зависит от совокупности многих факторов, в число которых входит как важнейшая детерминанта — природно-географическая специфика. Поэтому характер перекочевки различных групп древних номадов Евразии, даже в одних и тех же регионах, варьирует весьма сильно. Они имеют различную регулярность (временной аспект), стабильность (пространственный аспект), цикличность (перекочевки межсезонные и внутрисезонные), различную длину и направленность как в вертикальном, так и горизонтальном и круговом отношениях.

Основные продукты питания составляла животноводческая продукция. Псевдо-Гиппократ, говоря о скифах, отмечал, что едят они мясо, молоко, сыр и кровь. Но, безусловно, в рацион питания входила и растительная пища, в зависимости от района обитания потребляемая в различных количествах и добываемая разными путями. Так как савромато-сарматы не занимались земледелием даже в виде вспомогательного промысла, то в качестве растительной пищи потреблялись различные дикорастущие плоды, корни, злаки, хлебные культуры, которые они добывали главным образом у оседло-земледельческих народов. В Южном Приуралье — у племен Средней Азии и лесостепного населения Приуралья и Прикамья, на территории Нижнего Поволжья — у племен городецкой, среднедонской, меотской культур и населения дельты Дона.

Можно провести приближенную параллель между монголами XIX — нач.XX вв. и древними номадами. По подсчетам И.М.Майского, у монголов в калорийном отношении молочные продукты составляли 55,3%, растительные — 24,4%, мясные — 20,3%.

Специфика рациона питания также влияла на специфику и продолжительность маршрута перекочевки.

В Казахстане и Средней Азии в степной зоне овце достаточно 1 га пастбищ, в полупустыне — 3-6 га, а местами даже 10 га.

Исходя из вышеизложенного, для восточных районов Южного Приуралья, с учетом специфики археологических памятников, маршруты перекочевки (в основном меридиональные) могли достигать 1000-1200 км в сезон. На территории Западного Казахстана был, скорее всего, круговой маршрут с протяженностью 700-900 км в сезон. В междуречье Волги и Урала — в основном вертикальный, от берегов Еруслана,

Иргиза, Камыш-Самарских озер до поймы реки Самары. Возможно, в конце V — IV вв. до н. э. в связи с переносом зимовок на правый берег Волги появляются памятники типа Кривой Луки, Никольского, Барановки. Население междуречья Волги-Дона до IV в. до н. э. кочевало, в основном, в вертикальном направлении. Поэтому летовки могли быть на р. Аксае, а зимовки — в песках побережья Каспия, на Маныче и, может быть, у Кубани, с протяженностью 300-500 км.

Можно согласиться с А.М.Хазановым, что все виды скотоводства у древних племен можно рассматривать как различные способы хозяйственной адаптации, если временно оставить в стороне социологические факторы, которые в конечном счете определялись уровнем технологического развития и экологическими факторами. Из всех видов традиционного производящего хозяйства именно кочевое скотоводство смогло освоить и эксплуатировать потенциальные ресурсы обширных экологических зон.

Еще в древности Страбон отмечал, что даже в Крыму — одной из самых плодородных областей Евразийских степей, урожай достигал всего сам-30, в то время как в Месопотамии — сам-300. В Средней Азии, например, пастбищное скотоводство при круглогодичном выпасе скота является наименее трудоемким и наиболее выгодным видом хозяйства, в 2,5 раза более доходным, чем хлопководство.

Важнейшей проблемой кочевников является проблема баланса между наличием естественных ресурсов (корм, вода, растительность), поголовьем скота и численностью населения. Экстенсивный характер экономики не допускает постепенного решения проблемы баланса за счет интенсификации производства и обрекает кочевое скотоводство на стагнацию. По подсчетам ряда ученых, количество скота, приходящегося на душу населения у сюнну, живших в древности на территории Монголии, почти полностью совпало с тем, которое было у монголов Автономной Монголии в 1918 г. — 19 и 17,8 голов соответственно.

В кочевом хозяйстве возможен лишь временный баланс, достигающийся только путем непрерывного колебания всех трех перечисленных переменных, нарушения и нового восстановления их оптимальной зависимости друг от друга. При подобном соотношении даже микроколебания играли важную роль.

Таким образом, нестабильность и неавтаркичность (направленность во вне) экономики степных кочевников можно считать почти неизменными атрибутами, для преодоления которых у кочевников имелись две альтернативы. Либо частичная седентаризация (насильственное оседание на землю), особенно беднейшей части кочевников, либо приобретать для себя все необходимое в соседних оседлых обществах.

Наряду с господствующей скотоводческой формой хозяйства нома-

ды Евразии занимались различными вспомогательными промыслами. Большая часть кочевников Южного Приуралья земледелием не занималась. Во всяком случае, мы пока не имеем достоверных фактов, свидетельствующих об этом. К.Ф.Смирнов отмечает в числе промыслов охоту, рыболовство, изготовление керамики, прядение и ткачество, кожевенное дело, обработку дерева, кости, камня и, наконец, горнодобывающее дело и обработку металлов. Но трудно согласиться с тем, что скотоводы сами занимались обработкой камня и, особенно, добычей и обработкой металлов. В данном случае необходимо предполагать, что у кочевников существовало разделение труда между скотоводами и ремесленниками. Изготовление металлических предметов вооружения, посуды, зеркал, многих украшений было возможным только при условии продолжительного пребывания на одном месте, что является нереальным при образе жизни кочевников. Количество и качество перечисленных категорий инвентаря дает возможность предполагать, что либо все они привозные (что маловероятно), либо сделаны на месте, но не кочевниками-скотоводами. Относительно небольшое количество известных каменных жертвенников показывает, что почти каждый из них является произведением искусства, очень тонкого и умелого. При их изготовлении требовалось применять такие навыки труда, которые характеризуют только труд ремесленника, выполнявшего заказы аристократии и жречества и хорошо знавшего традиции и мотивы степных кочевников.

В порядке рабочей гипотезы можно предположить, что на сопредельной территории, заселенной оседлым населением, изготовлялись предметы, нужные кочевникам, а затем во время сезонных перекочевов обменивались на продукты животноводства.

Во всех кочевых обществах выделение ремесла в самостоятельную сферу производства являлось процессом длительным и прерывистым, особенно, когда ремесленные продукты можно было получить на внешних рынках или за счет эксплуатации земледельцев как в виде дани, так и путем насильственного переселения ремесленников на земли кочевников.

В связи с этим необычайно важное значение должен был иметь обмен между оседлыми и кочевыми народами. Кочевникам трудно обойтись без земледельческих продуктов и ремесленных изделий, в то время как земледельцы в принципе могут обойтись (и во многих районах земного шара обходятся) без продуктов, традиционно поставляемых на обмен кочевниками.

Кочевники Южного Приуралья традиционно были более связаны с населением лесостепного Приуралья и Зауралья, государствами Средней Азии, а кочевники Поволжья и Подонья — с населением Прику-

банья, Кавказа, античными центрами Северного Причерноморья, с лесостепным оседлым населением Волги и Дона.

Как известно, существовало два вида адаптации кочевников к внешнему миру: экономический и социально-политический. По общему правилу, чем более дифференцированным в социальном отношении является данное кочевое общество, тем активнее оно стремится к контактам и взаимодействию с внешним миром, но и последний по отношению кномадам выступает как активная сила взаимодействия. Конечно, наиболее радикальным способом адаптации является седентаризация (насильственное оседание), но она ведет к уничтожению кочевничества как такового, а в нашем случае савромато-сарматы оставались кочевниками, на всем протяжении тысячелетия их истории.

Поэтому на первое место выходит торговля и торговое посредничество. По археологическим данным и письменным источникам, мы знаем о существовании непосредственного обмена и торговли кочевников Евразии с городами Северного Причерноморья, государствами Средней Азии. В силу географического положения савромато-сарматов как связующего звена между Азией и Европой, севернее Каспия, чаще всего имели место посредничество, участие в торговле с различными оседлыми обществами и связанные с этим услуги. Так, грекам были известны торговые пути из Северного Причерноморья в Западное Приуралье и далее в глубины Азии, которые проходили по землям савромато-сарматов.

Имущественные и социальные различия у кочевников приводят к тому, что хотя стремление к обмену и торговле присуще всем членам общества, возможности у них различные. Для кочевой аристократии и просто богатых скотовладельцев они могли служить каналом, стабилизирующим и укрепляющим их экономические и социальные позиции. Именно поэтому в статьях торговли нередко начинают фигурировать предметы роскоши.

Роль кочевников в торговле была самой разнообразной: посредническая торговля, перевозка грузов, продажа или сдача в аренду транспортных животных, провоз или охрана караванов, просто беспрепятственный пропуск их за плату и так далее. Не исключено, что именно борьба за контроль над караванными путями являлась иногда подоплекой событий, приводящих к миграциям и завоеваниям.

В целом же, караванная торговля с оседлыми центрами была для степных кочевников Евразии делом не выгоды, а насущной экономической необходимости, и приносила она чаще всего не прибыль, а элементарные средства к существованию. В наших степях она имела ограниченное значение и являлась второстепенным источником дохода. Так, скифы везли товары в Приуралье, а Страбон писал про аорсов,

что они богатели, перевоза на верблюдах и торгуя индийскими и вавилонскими товарами.

К числу адаптационных возможностей относится подчинение и другие формы зависимости савроматов-сарматов от оседлых обществ. Исторические савроматы имели тесные связи с боспорскими городами, а сарматы II в. до н. э. — рубежа эр вообще в большой массе мигрировали на территорию государств Средней Азии и Северного Причерноморья. Конкретная причина данных фактов пока не выяснена. Подобная ситуация безусловно стесняла сарматов, но в то же время представляла выгоду. Плата за службу, возросшая возможность обмена и торговли, случаи свободного грабежа оседлого населения, подачки, инкорпорация кочевой аристократии в состав правящего класса — все это положительные стороны данного типа адаптации для кочевников. Может быть в результате подобного положения у сарматов I — II вв. н. э. резко возрастает количество импортного инвентаря, четче фиксируется имущественное неравенство по данным погребального обряда. Но этот вид адаптации был ограниченным по времени, т.к. кочевники чаще всего прибегали к нему в силу невозможности по разным причинам проживания на своей родовой территории, и как только условия менялись на благоприятные, кочевники стремились вернуться в степь.

Для номадов более всего характерны покорения и установление других форм зависимости от них оседлых обществ. Здесь имеется в виду довольно широкий спектр немирных взаимоотношений между кочевниками и земледельческим миром, складывающихся в результате тех преимуществ, которые в данном случае представлял кочевой образ жизни: мобильность и военное превосходство. Поэтому там, где были возможны их набеги, грабежи становятся постоянным явлением. Но в долговременной перспективе для кочевников было выгоднее и надежнее заставить оседлое население платить регулярную дань в обмен на свое покровительство, защиту от других групп номадов и просто за то, что они оставляли его в покое. Любые виды подчинения или завоевания кочевниками оседлых обществ можно рассматривать как средство их политической адаптации к внешнему оседлому миру. Экономическая и социально-политическая отсталость номадов оборачивалась при этом военными преимуществами: сильной, массовой и мобильной военной организацией, сплоченной ради перспективы эксплуатации оседлого населения. Данный случай обеспечивает кочевникам бесперебойное и беспрепятственное приобретение земледельческих и ремесленных продуктов на наиболее выгодной для них внеэкономической основе различными средствами: прямой нефиксированный и бесконтрольный грабеж — данничество, прямое налогообложение, создание земледельческого и ремесленного укладов в собственном обществе за счет пере-

селения части оседлого населения на свою территорию; захват земель сельскохозяйственной собственности и получение с нее доходов в виде ренты, прямая эксплуатация крестьян. Правда, последние три средства более характерны для эпохи средневековья и нового времени.

Еще более сложной для изучения, чем вопросы хозяйства, является история общественной жизни кочевников древности, так как источники мало что сообщают на этот счет. Сообщения античных и латинских авторов не только противоречивы, степень их оценки кочевников нередко зависела от того, союзниками или нет выступают номады в различных политических ситуациях, но и терминологически неопределенные, т.к. на социальные отношения кочевников нередко переносилась социальная терминология населения античных государств. Правда, для древних греков и римлян в любом случае номады Евразии выступают как «варвары», чем подчеркивалось их более низкое общественное развитие, чем у оседлых народов, имеющих государственность. Археологические же источники в основном представлены погребальными комплексами, по которым чрезвычайно трудно определить социальный статус умершего. К тому же, за исключением скифской культуры, к востоку от Дона и до Алтая больших, так называемых «царских» курганов, раскопано очень мало, может быть чуть более десятка. Именно поэтому, при рассмотрении вопросов общественной жизни часто приходится обращаться к аналогиям из эпохи средневековья, нового времени или к соседним обществам, более освещенным источниками.

Семья у кочевников по численности, как известно, невелика. В большинстве кочевых обществ преобладают нуклеарные семьи, состоящие из мужа, жены, неженатых сыновей и незамужних дочерей. Особенностью семьи у кочевников является то, что она чаще всего связана с отдельным хозяйством. Поэтому главной экономической характеристикой семьи как отдельной ячейки является совместное хозяйство (не исключая при этом половозрастного разделения труда), совместное потребление и наличие общей движимой собственности, нередко находящейся в распоряжении или под контролем главы семьи. Семья являлась единой и автономной, в идеале самообеспечивающейся экономической единицей.

Более сложная структура представляется в виде взаимосвязанных звеньев: линидж (или клан) — община — племя (племенное объединение) — союз племен.

Наименее разработанным является определение линиджа. Это, скорее всего, отдельные самостоятельные семьи, наиболее связанные друг с другом отношениями родства, взаимопомощи, совместности проживания и прочее, ядро которых составляют ближайшие родственники,

ведущие происхождение от близкого предка и в прошлом нередко составляющие одну семью: родные и двоюродные братья, дяди, племянники и другие.

При этом община представляется как объединение 3-4 линиджей, которые стараются вести свое происхождение от одного предка. Функции общины более разнообразные и включают в себя коллективное использование ресурсов, общее выполнение социальных и политических функций, а также взаимопомощь, кооперацию, соблюдение единых религиозных обрядов.

Скорее всего, на уровне линиджа, а особенно общины, выделяются социальные ранги кочевников, которые несомненно зависели от богатства отдельных семей, линиджей и даже общин. Таким образом, социальный ранг зависел от принадлежности отдельного члена к более или менее богатому звену единой системы. Внутри данных звеньев безусловно соблюдался поло-возрастной принцип ранжирования. В эпоху ранних кочевников отдельные члены общества уже выделяются и по профессиональному уровню, что также вело либо к богатству, либо бедности. Археологические данные позволяют говорить, что в VI в. до н. э. — IV в. н. э. большим статусом обладали вооруженные мужчины. Судя по погребальным памятникам, среди них были имеющие длинный меч, нередко с кинжалом, с копьем, колчаном и стрелами, есть просто с мечом и колчаном, или вообще без оружия.

В погребениях савроматского времени часто находят каменные жертвенники, которые считают принадлежащими жрицам. И по письменным источникам мы знаем, что у них были люди, следящие за соблюдением религиозных ритуалов. Их социальный статус был определенным, но реальное положение их в обществе часто зависело от того, удачливо или нет они выполняли свои функции.

Рабство было знакомо ранним кочевникам. Известны случаи, когда степняки продавали рабов в античных городах. Скорее всего, рабами становились военнопленные. В своем обществе рабов если и использовали, то в очень малом количестве, в домашнем хозяйстве. Этому есть объяснение. Во-первых, как уже отмечалось, в степи всегда должен соблюдаться баланс: среда — количество скота — количество людей. Появление рабов ведет к необходимости увеличения количества скота, а это дополнительная нагрузка на среду обитания. Во-вторых, труд скотовода более профессионален, чем труд земледельца и не требует затрат труда большого количества людей. Поэтому использовать труд рабов если и можно было, то только в домашнем хозяйстве очень богатых скотовладельцев, либо в отдельных видах ремесленной деятельности.

Вместе с тем, обладание рабами увеличивало престиж, влияние и

власть их владельцев. Они использовали рабов в качестве телохранителей, дружины и т.д. Большинство рабов отпускалось на волю, частично адаптировалось в кочевых обществах, но главным образом, продавалось.

Более высокими уровнями социально-политической организации в кочевых обществах являлись племена и конфедерации или союзы племен.

У скотоводов производственный цикл обеспечивается уже на низших уровнях их социальной организации. Семьи и общины вполне достаточно для оптимального выпаса скота, утилизации естественных ресурсов, необходимой кооперации и взаимопомощи. Поэтому племена и конфедерации представляют не хозяйственные, а в первую очередь, социально-политические объединения. Значение их увеличивается по мере того, как у кочевников усиливаются тенденции к определенной политической интеграции. Важнейшими факторами являются: потребности рационального распределения ключевых ресурсов; установление и регуляция маршрутов перекочевки для отдельных общин; определение внутреннего порядка, необходимого для производственного процесса; потребности обороны, борьба за скот, пастбища; миграции и войны; особенности взаимоотношений и взаимодействий с внешним оседлым миром. В силу этого племя у кочевников никогда не является чисто территориальной единицей. Это в первую очередь политическая организация.

Племенные союзы (конфедерации) вызывались к жизни военнополитическими причинами, поэтому они могут и должны рассматриваться прежде всего как политические образования.

Если рассматривать кочевое общество изнутри, то в нем можно выделить два потенциальных источника социальной дифференциации: частная собственность на скот и руководящие позиции в политической организации. Частная собственность на скот влечет за собой определенное имущественное неравенство, но кочевая скотоводческая община, как и крестьянская, заинтересована в имущественном равенстве своих членов. В них всегда действуют две синхронные тенденции: к выравниванию, сглаживанию внутренних различий и к углублению имущественного неравенства, расширению сферы действия отношений зависимости между различными хозяйствами, которые проявлялись в следующих формах: редкая эксплуатация бедных родственников; эксплуатация тех бедняков, утративших связь с собственным родом и живших в чужих общинах; поочередной выпас скота (но у одного 1000 голов, у другого — 50); перераспределение скота среди неимущих с последующим возвратом. Так создавались предпосылки к социальной стратификации общества. А общество с выраженным социальным не-

равенством обычно характеризуется повышенной военной активностью, в том числе и междоусобной, что стимулирует появление военных предводителей и группирующихся вокруг них лиц, для которых война становится промыслом. Но все же кочевые общества раннего железного века стратифицированы недостаточно по сравнению с оседлым населением.

Социальное неравенство в первую очередь возникает в результате потребности в особой политической власти с соответствующими специализированными функциями по руководству и управлению обществом. Именно в качестве руководящего слоя кочевая аристократия может пользоваться определенными привилегиями в своем обществе. Однако внутренние процессы у кочевников, связанные с социальной дифференциацией, являлись обратимыми и не слишком интенсивными. В определенных, достаточно редких случаях они способны вызвать к жизни стратифицированное общество, и никогда — государство.

Второй источник социальной дифференциации связан с взаимоотношениями различных кочевых обществ между собой, когда одни находятся в подчинении у других. Но и этот источник не является достаточно стабильным и надежным.

Третий и основной источник социальной дифференциации и политической власти в кочевых обществах — их взаимоотношения с оседло-земледельческим и городским миром.

Внешние связи с оседло-земледельческими обществами, к которым кочевое общество стремится по экономическим причинам, более всего могут способствовать росту и укреплению социальной дифференциации. А это при наличии соответствующих условий превращает статусные различия в ранговые, сословные и даже классовые. Поэтому те, кого условно можно назвать «кочевая аристократия», стремятся к этим связям не только по экономическим, но и по социальным причинам.

Кочевые общества способны достичь той непосредственно предшествующей возникновению государства стадии развития, которую сейчас чаще всего характеризуют как «стратифицированное общество» или «вождество». Выделяются следующие признаки вождества: наследственная социальная дифференциация, наследственное неравенство, наличие аристократического статуса; ограниченные функции верховного вождя, преимущественно связанные с судопроизводством, церемониалом и внешними сношениями; возможность нелегитимной и принудительной власти навязывать свои решения; отсутствие эффективных средств предотвращения распада союзов и конфедерации (со слабо выраженным признаком), централизованного управления, пока существует власть народного собрания.

Предводителями, вождями по происхождению могли быть: наслед-

ственный аристократ, рядовой воин, раб, выходец из оседло-земледельческих центров и так далее.

Распространенные в исторической литературе термины «кочевая государственность», «кочевое государство» и «кочевая цивилизация» являются весьма расплывчатыми и неопределенными. Строго говоря, кочевыми государствами должны именоваться лишь такие независимые социальные организмы, в которых большинство населения составляют номады, разделенные на классы. Однако, в широком смысле слова, кочевым государством нередко называют государства, созданные кочевниками в результате завоевания других обществ, особенно когда кочевники занимают там господствующее положение. Наконец, известны случаи государств с кочевыми династиями, или династиями кочевого происхождения.

Для кочевников раннего железного века Подонья, Поволжья, Южного Приуралья вряд ли характерна государственность, в лучшем случае, это была стадия «вождества».

ЛИТЕРАТУРА

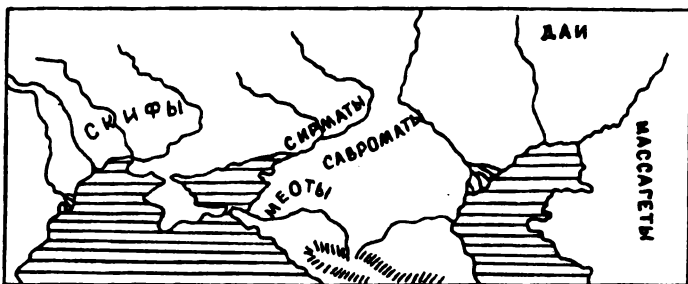
1. Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.
2. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
3. Ильинская В.И., Тереножкин А.И. Скифия в VIII — III вв. до н. э. Киев, 1983.
4. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
5. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
6. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
7. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
8. История и культура сарматов. Саратов, 1983.
9. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
10. Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
11. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Карта расселения племен в VI — IV вв. до н. э.
- Рис. 2. Расселение племен в III — I до н. э.
- Рис. 3. Восточноевропейские степи в I — IV вв. н. э.
- Рис. 4. Погребение и инвентарь из кургана у хутора Красная деревня.
- Рис. 5. Погребение и инвентарь из кургана 10 у села Барановка.
- Рис. 6. Погребения и инвентарь савроматов.
- Рис. 7. Вооружение савроматов.
- Рис. 8. Предметы «звериного» стиля савроматов.
- Рис. 9. Погребения и инвентарь раннесарматской культуры.
- Рис. 10. Среднесарматские древности.
- Рис. 11. Позднесарматские древности.

VI - IV вв. до н.э.

Рис. 1

III - I вв. до н.э.

Рис. 2

I - IV вв. н.э.

Рис. 3

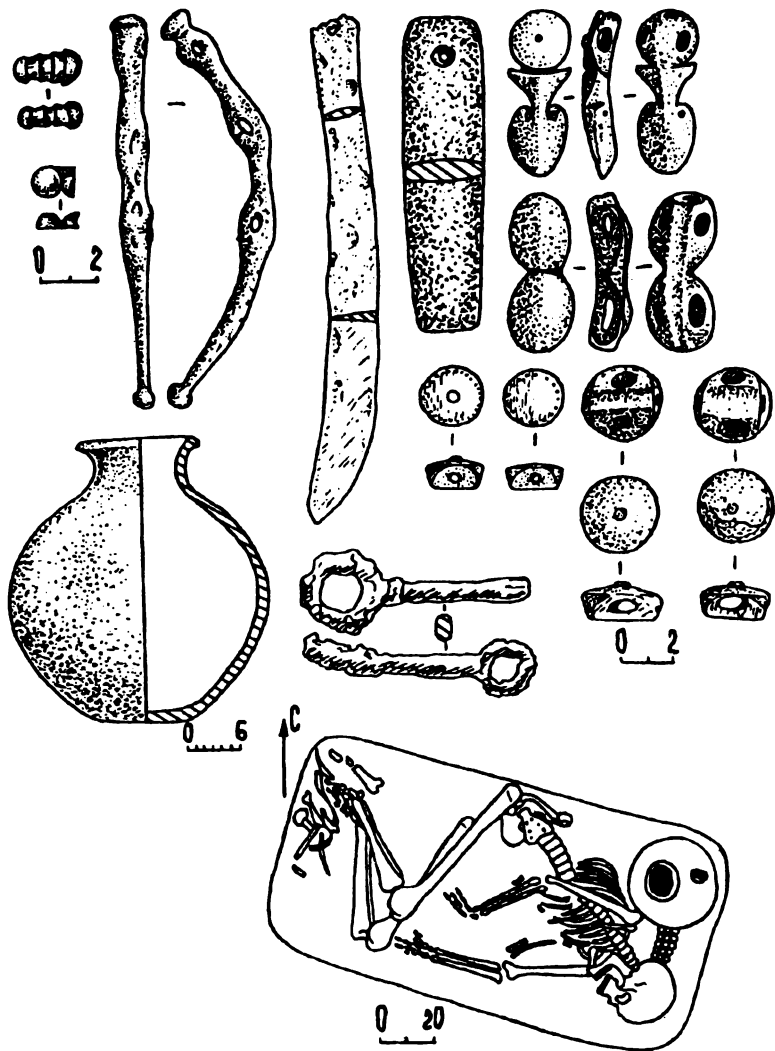

Рис. 4

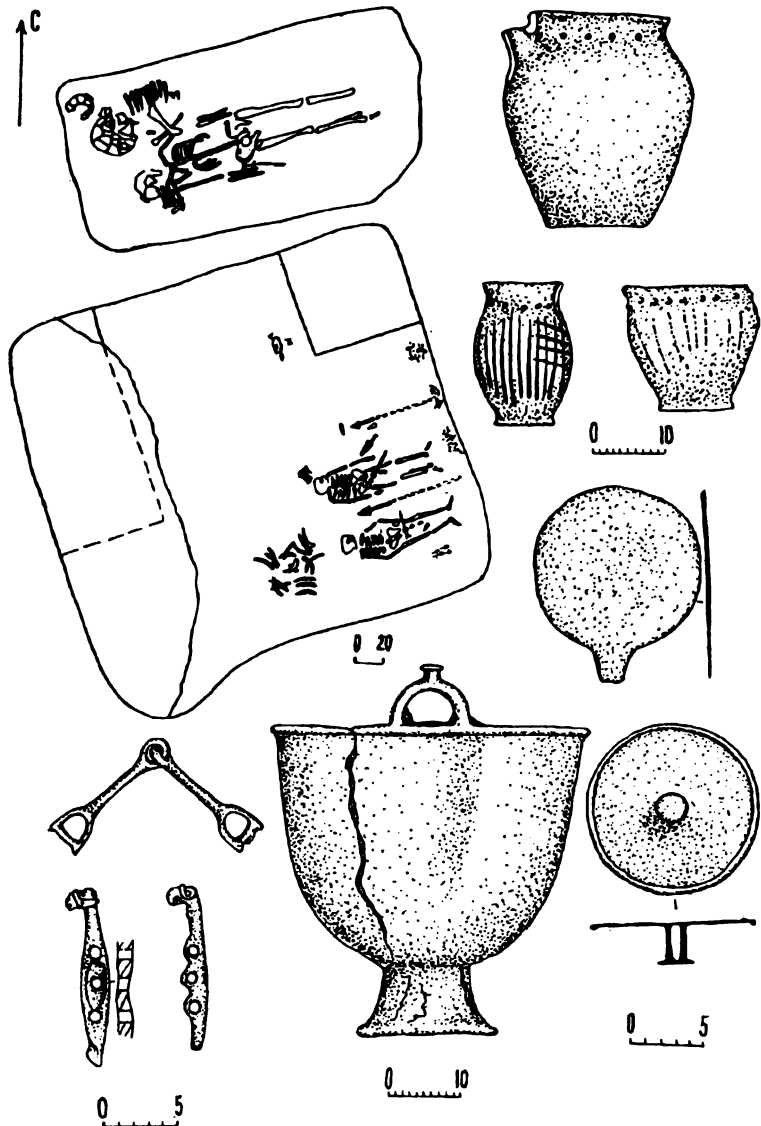

Рис. 6

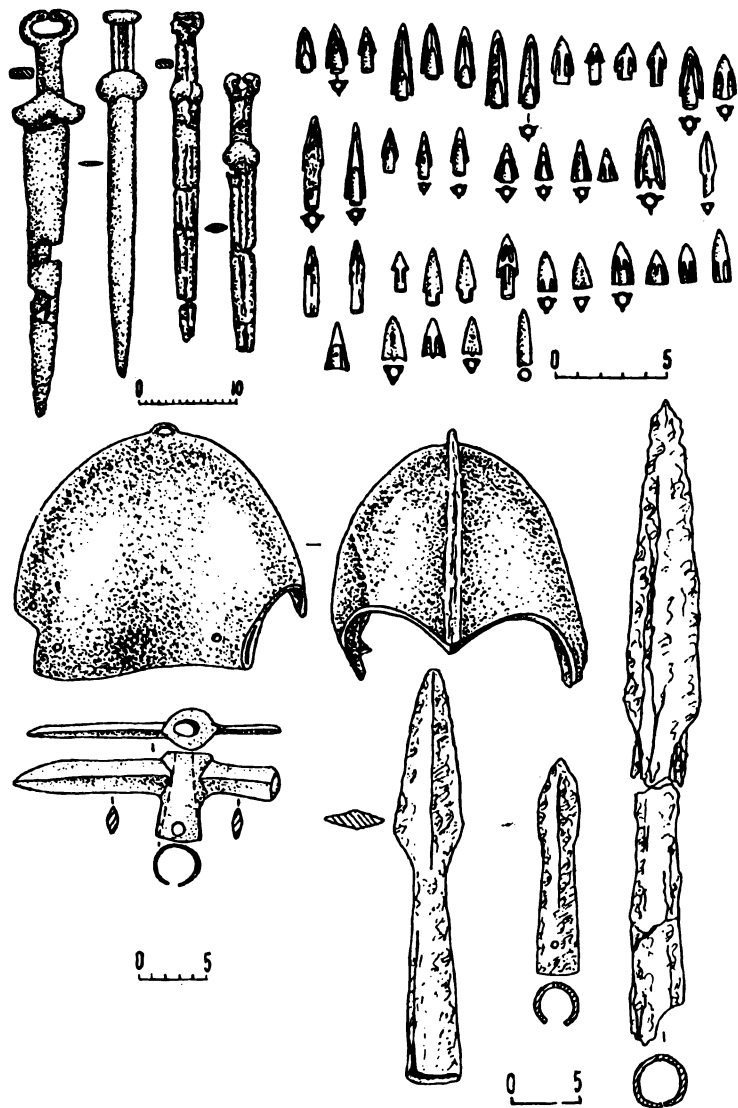

Рис. 7

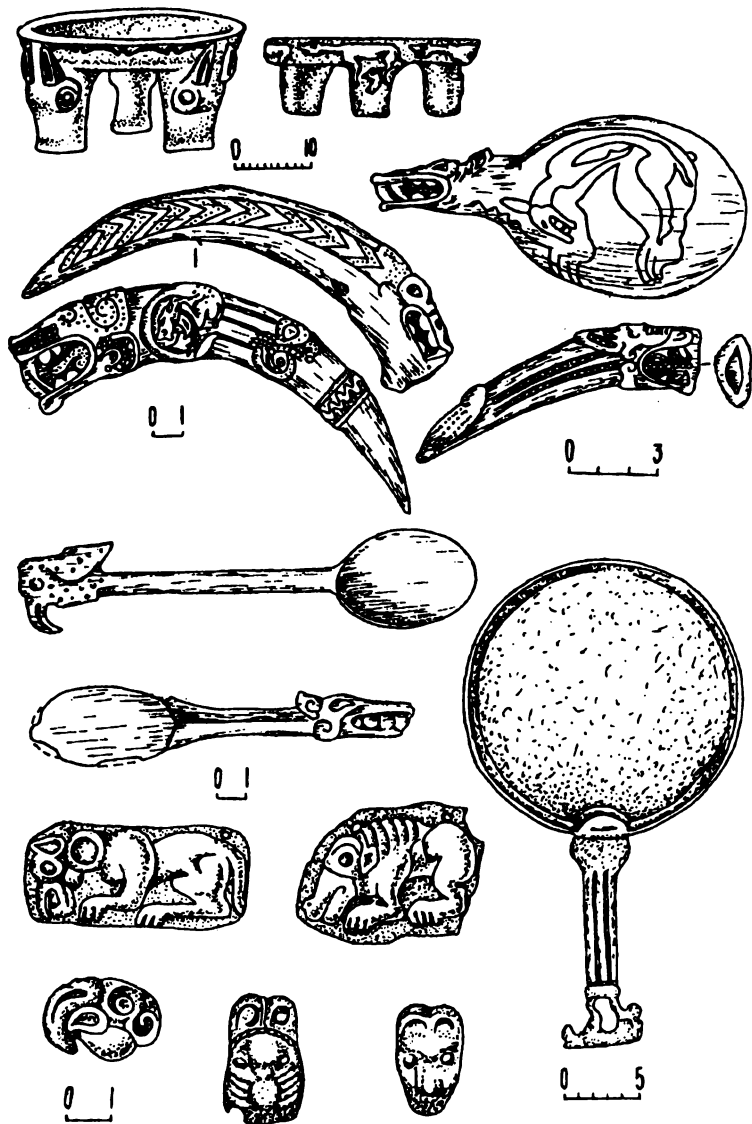

Рис. 6

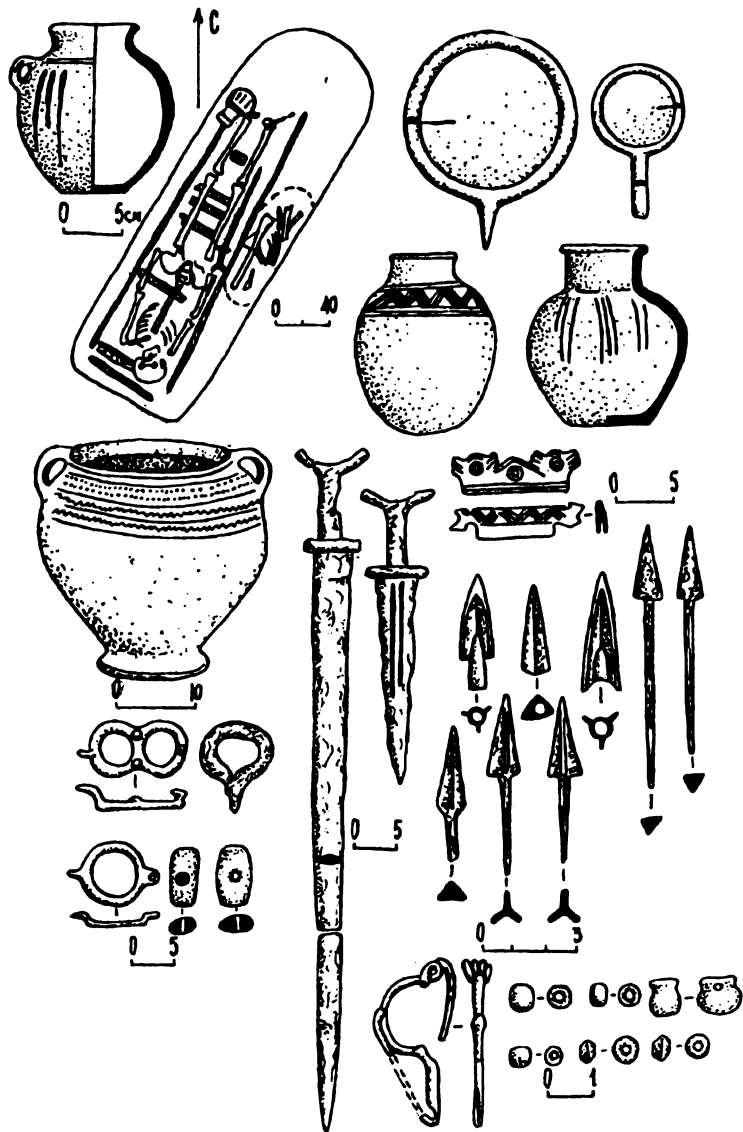

Рис. 9

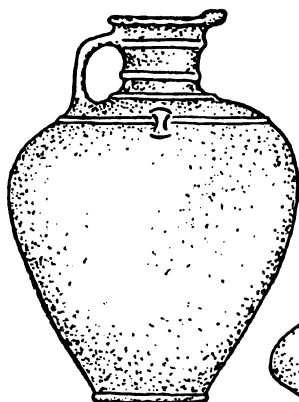
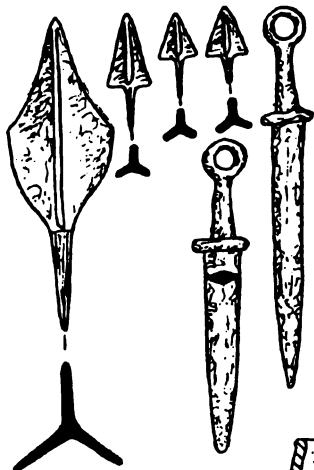
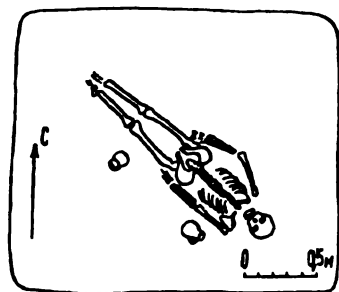
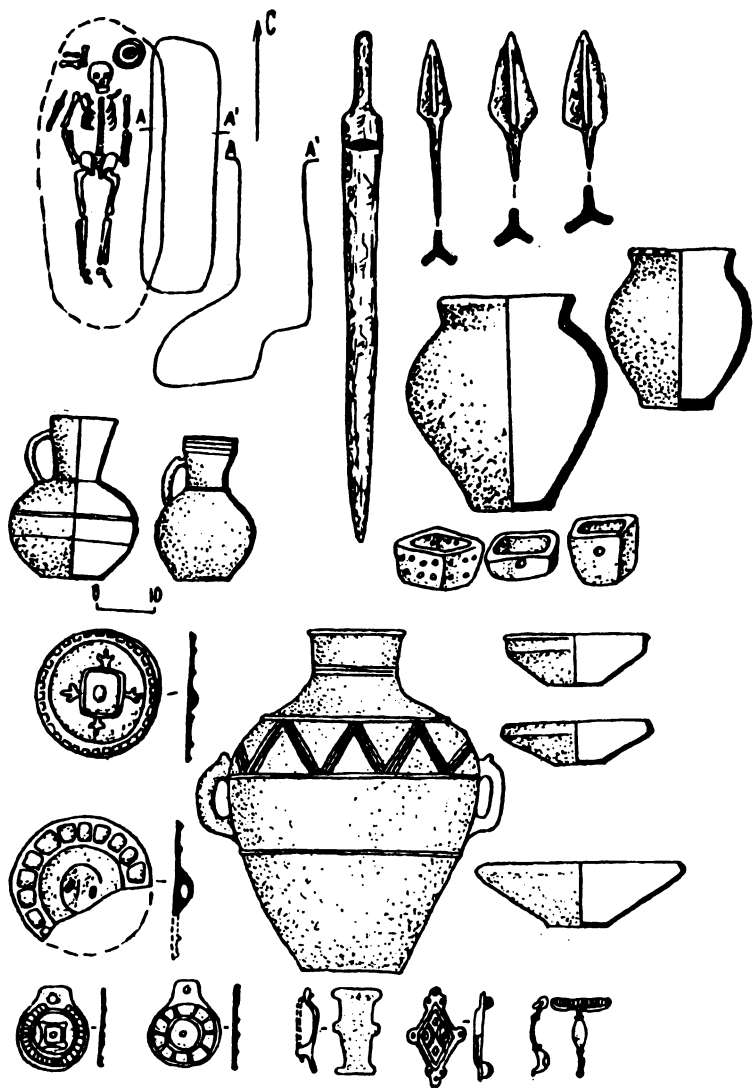

Рис. 10

Учебное издание

**Железчиков Борис Федорович
Сергацков Игорь Викторович
Скрипкин Анатолий Степанович**

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Учебное пособие

**Главный редактор А.В. Шестакова
Редактор Т.А. Сус.
Технический редактор И.В. Евстратов**

ЛР N 020406 от 12.02.92.

**Подписано в печать 26.01.95. Формат 60x84/16. Бумага типографская N 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 500 экз. Заказ 82 .«С»3.**

**Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.**

